

Диана Фурсова

Кадетка
из прачечной
для драконьего ректора

Диана Фурсова

**Кадетка из прачечной
для драконьего ректора**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Кадетка из прачечной для драконьего ректора / Д. Фурсова —
«Литнет», 2026

Я очнулась в чужом мире — в теле девушки, которую в Академии военных драконов звали не по имени, а просто: прачка. У неё не было рода, защиты, магии и права смотреть кадетам в глаза. Зато у меня остался характер. Когда меня попытались выгнать, я прошла испытание, на котором ломались наследники великих домов. Когда меня приказали наказать, я получила метку истинной пары от самого ректора — ледяного генерала-дракона, которого боялась вся империя. Теперь академия шепчет, что я обманщица. Совет требует моей казни. А ректор смотрит так, будто готов сжечь мир, лишь бы я осталась рядом. Только никто не знает главного: прежняя хозяйка этого тела умерла не случайно. И тот, кто убил её, уже идёт за мной.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Девушка из прачечной	5
Глава 2. Испытание драконьего круга	19
Глава 3. Метка, которой не должно быть	36
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Девушка из прачечной

Первое, что я поняла: в этом мире меня уже ненавидели.

Ещё до того, как я открыла глаза. До того, как сумела вдохнуть ледяной воздух, пахнущий мокрым камнем, застарелым мылом и чужим тяжёлым трудом. До того, как осознала, что лежу не в своей постели, не на полу собственной квартиры и даже не рядом с той лестницей, где, кажется, всё оборвалось.

Я лежала на каменных плитах.

Щека прилипла к холодной луже. Под пальцами — шершавая трещина в полу. Над ухом мерно капала вода: раз, два, три... Каждая капля отдавалась в голове неприятным глухим звуком.

— Эйра! — рявкнул кто-то сверху. — Поднимайся, дохлая ворона! Думаешь, если рухнула, работа сама себя сделает?

Я не знала, кто такая Эйра.

Зато сразу поняла, что обращаются ко мне.

Чья-то грубая рука схватила меня за плечо и встряхнула так, что перед глазами посыпались мутные искры. Я резко втянула воздух, села и тут же пожалела: всё тело отозвалось тяжестью, будто меня долго таскали за собой по камням. На коленях — чужая грубая юбка. На руках — красные полосы от ткани и воды. Волосы, тёмные и спутанные, прилипли к вискам. Ладони были не моими: тоньше, бледнее, с мелкими царапинами и следами вечной работы.

Я уставилась на них.

Не мои.

Это были не мои руки.

— Ты чего вылупилась? — Женщина передо мной упёрла кулаки в широкие бока. На ней был серый передник, перетянутый шнуром так туго, будто она собиралась воевать, а не командовать прачечной. Лицо — красное, злое, с маленькими глазами, которые не смотрели, а выискивали вину. — Не вздумай снова строить из себя несчастную. До рассветной проверки осталось меньше часа, а у кадетов северного крыла половина формы не высушена.

Кадеты.

Северное крыло.

Форма.

Я моргнула и медленно подняла взгляд.

Помещение вокруг было огромным, низким и каменным. С потолка свисали толстые верёвки с развешанными рубашками, плащами, полотнищами и тёмными мундирами. Вдоль стен стояли деревянные корыта, широкие столы, корзины с бельём. В дальнем углу на цепях висели железные котлы, под которыми тлел огонь. В воздухе клубился пар, делая лица людей расплывчатыми, почти призрачными.

Женщины и девочки в одинаковых серых платьях смотрели на меня так, будто я была грязью на их чистом полу.

И ещё одна мысль ударила сильнее холода.

Я была не дома.

— Встала, значит, — хмыкнула толстая женщина. — Жаль. Я уж думала, отмучилась.

Кто-то сзади прыснул.

Я медленно повернулась. У стены стояли две девушки примерно моего возраста. Одна рыжая, с острым подбородком и насмешливыми глазами. Вторая светловолосая, круглолицая, но взгляд у неё был такой же неприятный.

— Мара, — протянула рыжая, не отрывая от меня глаз, — а если она правда того... ну, совсем? Можно я заберу её сапоги?

— Сапоги казённые, — отрезала женщина. — А ты, Нелла, помолчи, пока язык к верёвке не привязала.

Значит, толстую звали Мара. Рыжую — Нелла.

А я...

Я опустила взгляд на край передника. На серой ткани неровными стежками было вышито имя.

Эйра Линн.

Буквы казались знакомыми, хотя я не должна была их понимать. Я никогда не видела такого письма — острые линии, завитки, маленькие разрывы в середине знаков. И всё же прочла без усилий.

Эйра Линн.

Чужое имя легло на меня, как мокрая ткань.

— Я... — Голос оказался хриплым. Не мой голос. Тише, ниже, с надломленной осторожностью. — Что случилось?

В прачечной стало ещё тише.

Нелла улыбнулась первой.

— Слышали? Она спрашивает, что случилось.

Светловолосая девушка прикрыла рот ладонью.

Мара наклонилась ко мне так близко, что я увидела тонкую белую полоску старого шрама у неё на брови.

— Случилось то, что ты опять не справилась. Потщила корзину для третьего крыла, споткнулась, разлила воду, рухнула, как мешок, и лежала тут, пока остальные за тебя работали. Вопросы ещё будут?

Корзина для третьего крыла.

Третье крыло чего?

Я открыла рот, но Мара ткнула пальцем в сторону деревянного стола.

— К форме. Быстро.

Мне хотелось сказать, что я ничего не понимаю. Что меня зовут не Эйра. Что ещё утром — или когда там это было? — я была Ариной Соколовой, жила в обычном городе, ругалась с соседями из-за шума за стеной, покупала кофе на бегу и точно не стояла в какой-то каменной прачечной под взглядом женщины, способной взглядом оттереть пятно с гранита.

Но я не сказала.

Потому что вокруг было слишком много чужих лиц.

Потому что в этих лицах не было ни сочувствия, ни удивления. Только привычное раздражение.

И потому что, если весь этот кошмар не был сном, любая неосторожная фраза могла обойтись мне слишком дорого.

Я поднялась.

Ноги дрожали. Подол чужого платья облепил колени. Где-то глубоко внутри шевельнулась память — не моя, слабая и рваная: руки в воде, крики, тяжесть мокрой ткани, чей-то смех над спиной, имя, которое произносили не как имя, а как приказ.

Эйра.

Эйра, быстрее.

Эйра, ниже голову.

Эйра, не смей смотреть на кадетов.

Эйра, безродная грязь.

Я сжала зубы.

— Пошевеливайся, — бросила Мара. — Сегодня день отбора. Если задержим форму, командор Вэрт снимет с нас кожу ремнями.

Кожу он снимать, конечно, не будет, решила я. Наверное.

Хотя, оглядев стены, цепи, огонь под котлами и выражения лиц окружающих, уверенность слегка пошатнулась.

Я подошла к столу. На нём лежали чёрные мундиры с серебряной строчкой на вороте. Ткань была плотной, тяжёлой, дорогой. Не такая, какую доверяют обычным ученикам в обычных школах. На каждом мундире — знак: расправленное крыло, пересечённое вертикальным клинком.

Военная академия.

Драконья? В памяти Эйры будто что-то дёрнулось.

Академия военных драконов.

Я едва не выронила рукав.

Нет, конечно. Просто прекрасно. Я попала не в тихий домик у моря и не в тело богатой наследницы с сундуками платьев. Я очнулась в прачечной при военной академии драконов. В теле девушки, которую тут, похоже, считали чем-то между мебелью и тряпкой.

— Что застыла? — шипнула Нелла, оказавшаяся рядом. — Рукава разглаживай. Если на форме лорда Арвейна складка останется, он тебя заставит ползти от прачечной до плаца.

Я посмотрела на неё.

— Часто он заставляет людей ползать?

Нелла моргнула. Ей явно не понравилось, что я ответила вопросом.

— А ты забыла? — сладко спросила она. — Или опять решила, что можешь быть выше своего места?

Светловолосая девушка у соседнего стола тихо хихикнула.

— Она вчера и правда ударилась. Смотри, Мара, может, у неё память вылетела.

— У безродных памяти много не бывает, — отрезала Мара, даже не оборачиваясь. —

Им помнить нечего.

Слова вошли под кожу неожиданно глубоко.

Я не знала Эйру Линн. Не знала, за что её ненавидели, почему она оказалась здесь, были ли у неё друзья, мечты, страхи. Но от этих слов во мне поднялась такая горячая злость, что я на мгновение перестала чувствовать холод.

Им помнить нечего.

Значит, прежняя Эйра для них даже человеком не была.

Я провела ладонью по чёрной ткани, стараясь понять, что от меня требуется. Движения сами вспомнились: расправить плечо мундира, натянуть шов, провести тёплой деревянной планкой, сложить рукав ровно по линии. Руки работали быстрее головы.

Чужое тело знало.

Чужая память молчала, но пальцы помнили.

— Вот так, — пробормотала я.

— Что? — насторожилась Нелла.

— Ничего.

Я склонилась ниже.

Нужно было выжить первый час. Потом второй. Потом разобраться, где я, кто вокруг и почему настоящая Эйра лежала на полу так неподвижно, что все решили: можно уже делить её сапоги.

Где-то над прачечной ударил колокол.

Один раз. Гулко, мощно, так что вода в корытах пошла мелкой дрожью.

Мара выпрямилась.

— Быстро! Несём форму на северный плац. Нелла, Селви, берёте корзины для третьего крыла. Эйра...

Она обернулась ко мне, и в её глазах мелькнуло то самое удовольствие, с которым люди дают слабому непосильную работу.

— Ты понесёшь корзину командорского ряда.

Нелла ахнула притворно жалостливо.

— Мара, она же опять упадёт.

— Тогда будет ползти, — сказала Мара. — Заодно вспомнит, как держаться на ногах.

На стол передо мной поставили огромную плетёную корзину. Она была доверху набита чёрными мундирами и плащами. Я попыталась приподнять край — руки сразу напряглись.

Тяжёлая.

Очень тяжёлая.

В прошлой жизни я таскала максимум пакеты из магазина и однажды героически донесла до дома коробку с книгами. Здесь же от меня ждали, что я понесу половину гардероба драконьего войска.

— Ну? — Нелла наклонила голову. — Может, позвать кадетов? Попросишь их красиво. На коленях.

Я подняла на неё глаза.

— Ты часто советуешь то, что сама умеешь лучше всего?

Селви резко вдохнула. Нелла застыла.

Мара повернулась медленно.

В прачечной снова стало тихо.

И только тут я поняла: прежняя Эйра так не отвечала.

Прежняя Эйра, судя по чужим обрывкам памяти, опускала голову, извинялась, брала тяжёлое, молчала, терпела. Возможно, терпела до тех пор, пока однажды не упала на каменный пол и уже не поднялась.

Я же поднялась.

И, кажется, только что объявила об этом вслух.

Нелла сузила глаза.

— Что ты сказала?

Я взялась за ручки корзины.

— Ничего, что нужно повторять.

Мара шагнула ко мне, но второй удар колокола сотряс воздух. Где-то наверху раздались голоса, топот, протяжный звук горна. Академия просыпалась не как школа, а как крепость перед сражением.

— После отбора поговорим, — процедила Мара. — А сейчас марш.

Я приподняла корзину.

Тело взвыло от тяжести, но я удержала. На секунду. На две. Потом перехватила удобнее и пошла к выходу, стараясь не показать, как дрожат руки.

За дверью оказался длинный коридор, вырубленный в сером камне. По стенам тянулись узкие окна-бойницы. Сквозь них пробивался холодный утренний свет. Где-то далеко шумел ветер.

И пахло не только влагой.

Пахло железом, дымом, мокрым камнем и чем-то ещё — острым, высоким, почти грозным.

Я сделала несколько шагов и увидела его.

Не человека. Не сразу.

В конце коридора, за арочным проходом, открывался двор. Над ним, на фоне бледного неба, пронеслась огромная тень. Крылья рассекли воздух с таким звуком, будто кто-то распахнул над миром чёрное знамя. Я замерла, запрокинув голову.

Дракон.

Настоящий.

Не картинка. Не сонный символ на гербе. Живой, тёмный, с длинной шеей, гребнем вдоль спины и крыльями, каждое из которых было шире городского автобуса. Он сделал круг над башнями академии, и на мгновение его чешуя вспыхнула в утреннем свете глубоким синим отливом.

Корзина едва не выскользнула из рук.

— Глаза опусти, — прошипела Нелла, толкнув меня плечом. — Служкам не положено глазеть на крылатых.

Я не опустила.

Не сразу.

Сердце стучало так сильно, что казалось — его слышит весь коридор. Страх был. Конечно, был. Но рядом с ним поднималось другое чувство, совершенно дикое: восторг. Глупый, неуместный, почти детский.

Драконы существуют.

И я в мире, где они не прячутся в легендах, а летают над крышами.

— Эйра! — рявкнула Мара сзади.

Я вздрогнула и пошла дальше.

Северный плац оказался огромным прямоугольником чёрного камня, окружённым высокими башнями. На флагах трепетали серебряные крылья. С одной стороны стояли ровными рядами кадеты в тёмной форме. Девушки и юноши, все молодые, прямые, красивые той уверенной красотой, которую даёт привычка к хорошей еде, дорогой ткани и чужому молчанию.

Они смеялись.

Говорили громко.

Толкали друг друга плечами.

Кто-то тренировочно вращал деревянный клинок. Кто-то поправлял перчатки. У многих на воротах поблёскивали знаки родов: тонкие серебряные линии, маленькие эмблемы, камни в застёжках.

Я впервые по-настоящему поняла, как выгляжу рядом с ними.

Серая юбка. Мокрый подол. Потёртые рукава. Волосы, кое-как стянутые лентой. Корзина в руках. Девушка из прачечной.

Даже не девушка.

Обслуживающий шум на заднем плане.

— Сюда, — бросила Мара.

Мы выложили форму на длинные столы у стены. Кадеты начали подходить, забирая мундиры. Некоторые не смотрели на нас вовсе. Некоторые смотрели так, будто мы были частью мебели.

Один высокий парень с золотистыми волосами и слишком красивым лицом взял плащ, встряхнул и поморщился.

— Складка.

Я посмотрела на ткань. Там действительно была едва заметная линия.

— Складка, — повторил он, уже громче.

Нелла тут же шагнула назад, оставляя меня одну перед ним.

Парень перевёл взгляд на мой передник.

— Эйра Линн. Всё ещё здесь?

Вокруг стали оборачиваться.

Я почувствовала, как по плащу расползается внимание. Липкое, неприятное.

— Как видите, — ответила я.

Улыбка сползла с его лица.

— Ты забыла, с кем говоришь?

Вот этот вопрос, кажется, в любом мире звучал одинаково. Его задавали люди, которые были уверены, что их имя должно заранее ломать чужую спину.

Я прижала корзину к бедру.

— С человеком, которому не понравилась складка.

Кто-то прыснул. Совсем тихо, но достаточно, чтобы золотистый парень побледнел от ярости.

— Я лорд Сайрен Арвейн.

Имя отозвалось в памяти Эйры неприятным холодком. Арвейн. Старший курс. Третий сын восточного дома. Любил развлекаться тем, что заставлял младших кадетов и служек выполнять бессмысленные приказы. Прежняя Эйра его боялась.

Я — пока нет.

Точнее, боялась. Но не собиралась показывать.

— Тогда вам особенно не к лицу спорить с прачкой из-за складки, лорд Арвейн.

Он шагнул ближе.

В этот момент воздух на плацу изменился.

Разговоры стихли не сразу, а волной. Сначала ближайшие кадеты выпрямились. Потом те, кто стоял дальше. Потом даже Мара, которая до этого была готова просверлить во мне дыру взглядом, резко опустила голову.

Я поняла, что за моей спиной кто-то появился.

Не оборачивайся резко, сказала себе я.

Конечно, я обернулась.

На плац вышел мужчина в чёрном мундире без единой лишней детали. Высокий. Широкоплечий. С прямой осанкой человека, которому не нужно повышать голос, чтобы его услышали. Тёмные волосы были собраны у затылка. Лицо — спокойное, резкое, будто вырезанное из холодного камня. Но глаза...

Серые.

Нет, не серые. Стальные, с тонким серебряным ободом вокруг зрачка.

Когда его взгляд скользнул по плацу, люди становились тише. Не из вежливости. Из инстинкта.

Так замолкают перед бурей, которая ещё далеко, но уже решила, куда ударит.

— Лорд Арвейн, — произнёс он.

Голос был низким. Ровным. В нём не было угрозы. И от этого он звучал страшнее.

Сайрен Арвейн вытянулся.

— Ректор Ровенгар.

Ректор.

Драконий ректор.

Каэл Ровенгар.

Имя пришло из памяти Эйры само, как запретная молитва. Генерал северного крыла. Глава Академии военных драконов. Человек, о котором в прачечной говорили шёпотом. Дракон древней крови. Тот, кто не прощал слабости, лжи и беспорядка.

Его взгляд остановился на мне.

Всего на секунду.

Но мне хватило.

Я вдруг ощутила собственную нелепость: мокрый подол, чужие грубые башмаки, корзина, растрёпанные волосы, резкий ответ лорду, который мог превратить мою жизнь здесь в бесконечную цепь наказаний.

Ректор смотрел без насмешки.

И без жалости.

Это было почему-то хуже.

— На плацу день отбора, — сказал он Арвейну. — Не день споров о ткани.

— Простите, ректор, — склонил голову тот.

— К строю.

Арвейн сжал челюсть, бросил на меня такой взгляд, что прежняя Эйра наверняка уже расплакалась бы, и ушёл.

Я выдохнула слишком громко.

Ректор перевёл взгляд на меня.

— Имя.

Мара рядом дёрнулась.

— Ректор, это Эйра Линн, прачка из нижних помещений. Она не—

Он даже не посмотрел на неё.

Просто поднял руку.

Мара замолчала.

Я проглотила всё, что хотела сказать, и заставила себя выпрямиться.

— Эйра Линн.

Собственное новое имя прозвучало странно. Не как ложь. Скорее как дверь, которую мне придётся открыть, даже если за ней темно.

— Служащие академии не вмешиваются в разговоры кадетов, — сказал Ровенгар.

Я должна была опустить голову и извиниться.

Я почти сделала это.

Но перед глазами всплыл каменный пол прачечной. Лужа под щекой. Слова Мары: «Я уж думала, отмучилась». Смех Неллы. Сапоги, которые она хотела забрать.

Если я сейчас согнусь, дальше меня будут сгибать все.

— Я не вмешивалась, ректор, — сказала я. — Мне предъявили претензию. Я ответила.

Где-то слева кто-то шумно втянул воздух.

Мара, кажется, перестала дышать.

Ровенгар молчал.

Очень долго.

Возможно, всего две секунды, но мне хватило, чтобы мысленно попрощаться с будущим, которого у меня и так не было.

— Ответили, — повторил он.

— Да.

— И считаете, что ответ был уместен?

Я посмотрела ему в глаза. Это было ошибкой. Потому что рядом с ним воздух казался плотнее. Тяжелее. Будто его присутствие давило на плечи не хуже корзины.

— Нет, — сказала я честно. — Но он был точным.

На плацу воцарилась такая тишина, что я услышала, как где-то на башне хлопнул флаг.

Уголок губ ректора не дрогнул. Ничего не дрогнуло. Но взгляд изменился. Совсем немного. Как если бы хищная птица заметила движение в траве.

— Возвращайтесь к своим обязанностям, Эйра Линн.

Я кивнула и шагнула назад.

Не поклонилась.

Только потом поняла, что нужно было.

Мара схватила меня за локоть так, что пальцы впились в кожу.

— Ты с ума сошла? — прошипела она, утаскивая меня от столов. — Ты ректору дерзила, безродная идиотка!

— Он спросил.

— Он ректор!

— Я заметила.

Мара остановилась у арки, резко развернула меня к себе и занесла руку.

Я успела напрячься.

Но удар не пришёл.

Над плацем снова ударил колокол — третий, самый протяжный. Кадеты построились. У дальних ворот появились люди в тёмно-серых плащах. Один из них, седой мужчина с квадратным лицом и коротко подстриженными волосами, развернул длинный свиток.

— Отбор нижнего кадетского курса! — прогремел он. — Все кандидаты, чьи имена будут названы, выходят в круг!

Прачки у арки замерли. Даже Мара отвлеклась.

— В этом году их много, — шепнула Селви.

Нелла фыркнула.

— Половина вылетит после первого круга. Особенно те, кто припёрся без покровителей.

Я не собиралась смотреть. Правда. Меня вообще не должно было это интересовать. Мне нужно было выяснить, как сбежать из прачечной хотя бы на десять минут, найти зеркало, понять, кто я, и решить, каким образом человек из обычного мира выживает в академии военных драконов.

Но ноги не двинулись.

Седой мужчина начал читать имена.

— Лорд Тайрен Орс!

Из строя вышел высокий парень с тёмными кудрями и ленивой улыбкой. Несколько кадетов одобрительно загудели.

— Леди Мирена Вайс!

Плац отозвался уважительным шепотом.

Вперёд вышла девушка в безупречном тёмно-синем костюме. Белые волосы были заплетены в гладкую косу, подбородок высоко поднят, на вороте серебром сиял знак рода. Она шла так, будто плац уже принадлежал ей, а все остальные просто получили разрешение стоять рядом.

Её взгляд скользнул по прачкам.

По мне.

И прошёл дальше.

Не заметила.

Нет, хуже.

Заметила и решила, что замечать не стоит.

— Лорд Кайр Дормант!

— Леди Шаэра Вельт!

— Ронан Ильс!

Имена следовали одно за другим. Двадцать. Тридцать. Сорок.

Я слушала, уже не пытаясь делать вид, что мне всё равно. В груди поселилось странное напряжение. Прежняя Эйра, я чувствовала это, мечтала смотреть на отбор не из тени арки. Не с корзиной у ног. Не в сером платье.

Она мечтала быть там.

В кругу.

Среди тех, кому разрешено поднимать глаза.

И, кажется, именно за это её ненавидели ещё сильнее.

Седой мужчина перелистнул свиток. Нахмурился. Посмотрел на строку внимательнее.

Ректор Ровенгар, стоявший у ступеней, тоже повернул голову.

— Эйра Линн, — прочитал седой.

Плац не сразу понял.

Я тоже.

Мара рядом захрипела:

— Что?

Седой мужчина поднял глаза.

— Эйра Линн!

Тишина лопнула смехом.

Не громким сначала — удивлённым, недоверчивым. Потом смех пошёл волной: кадеты оборачивались, показывали в нашу сторону, переговаривались. Нелла согнулась, прикрывая рот ладонью. Селви смотрела на меня так, будто я только что превратилась в башню.

— Это ошибка, — громко сказала Мара. — Господин командор, это ошибка! Она прачка.

Седой мужчина — видимо, командор Вэрт — сверил свиток.

— Имя внесено в список кандидатов.

— Не может быть! — Мара почти вытолкнула меня вперёд. — Она безродная. У неё нет допуска. Нет покровителя. Нет подготовки. Она даже корзину нормально донести не может!

Смех стал громче.

Горячая волна поднялась к лицу.

Вот оно.

Теперь я поняла.

Имя Эйры внесли не случайно.

Кто-то сделал это как шутку. Жестокую, публичную и очень удобную. Прачку вызовут на отбор. Она выйдет. Не выдержит первого испытания. Упадёт перед всей академией. И после этого уже никто никогда не позволит ей забыть, где её место.

Я могла отказаться.

Даже должна была.

Я ничего не знала об испытаниях. Ничего не умела. Тело Эйры было слабым, уставшим, измученным работой. На мне не было формы, поддержки, даже нормальной обуви.

Я сделала шаг назад.

Нелла тут же наклонилась к моему уху.

— Ну же, Эйра. Попроси, чтобы тебя вычеркнули. Скажи всем, что прачкам не место среди людей.

Слова попали точно.

Слишком точно.

Я увидела себя — нет, её — маленькую, худую, стоящую у двери тренировочного зала с мокрой тряпкой в руках. Кадеты смеялись. Кто-то бросил: «Тебе бы тоже хотелось крылья, Линн?» А она молчала. Только пальцы сжались так крепко, что ткань хрустнула.

Ей хотелось.

Ей очень хотелось.

Может быть, это желание и удержало тело живым достаточно долго, чтобы я в нём проснулась.

Я посмотрела на плац.

На кадетов, которые ждали моего позора.

На Мару, готовую толкнуть меня обратно в прачечную.

На Неллу с её жадной улыбкой.

На ректора Ровенгара, который смотрел не смеясь. Просто смотрел.

И вдруг поняла: я не знаю, как отсюда выбраться. Не знаю, почему оказалась в этом мире. Не знаю, можно ли вернуть свою жизнь и осталось ли там вообще что-то, к чему возвращаться.

Но знаю одно.

На пол я больше не лягу.

— Эйра Линн! — повторил командор Вэрт. — Кандидат выходит или отказывается?

Я вытерла ладони о серую юбку.

Мара схватила меня за запястье.

— Только попробуй.

Я посмотрела на её пальцы.

— Уберите руку.

— Ты забылась.

— Нет, — сказала я тихо. — Кажется, я как раз вспомнила.

Мара не убрала руку.

Тогда я вывернула запястье так, как когда-то училась на коротких занятиях по самообороне — давно, неловко, почти в шутку. Движение вышло неидеальным, но неожиданным. Мара охнула и отпустила.

Я вышла из арки.

Смех стал другим.

Теперь в нём было предвкушение.

Камень плаца охлаждал ступни даже через подошвы. Каждый шаг отдавался внутри гулко. Серое платье липло к ногам. Волосы выбились из ленты. Я прекрасно понимала, как выгляжу: не кандидаткой, а ошибкой, которая сама идёт к наказанию.

Командор Вэрт смотрел на меня без улыбки.

— Ты Эйра Линн?

— Да.

— Ты понимаешь, что участие в отборе добровольное?

— Понимаю.

Не понимала.

Но слово уже сорвалось.

— Ты понимаешь, что отказ после входа в круг невозможен до завершения первого испытания?

Вот тут я чуть не передумала.

Поздно.

Впереди, на середине плаца, серебром был выложен широкий круг. В его центре стояли каменные столбы высотой с человека. На каждом — символ крыла. Север. Восток. Юг. Запад. Над кругом дрожал воздух, как над раскалённой дорогой, хотя утро было холодным.

Кандидаты входили туда по одному и вставали у края.

Леди Мирена Вайс даже не повернула головы, когда я заняла место в самом конце. Зато лорд Тайрен Орс оглянулся и присвистнул.

— Вот это отбор в этом году. Командор, а кухонных котов тоже позовёте?

Кто-то засмеялся.

Я посмотрела на него.

— Боюсь, они заняты более важной работой.

Тайрен моргнул, потом расхохотался уже искренне.

— А прачка с зубами.

— Кандидатка, — поправила я.

— Пока ещё прачка, — холодно сказала Мирена, не оборачиваясь. Голос у неё был красивый, ровный, воспитанный до остроты клинка. — И лучше тебе уйти, пока круг не закрылся.

— Вы же слышали командора. Уже нельзя.

Теперь она повернула голову.

Вблизи Мирена была ещё красивее. Неприятно красивее. Лицо — тонкое, благородное, глаза светлые, почти прозрачные. Взгляд — как зимнее стекло.

— Тогда постарайся упасть быстро, — сказала она. — Долгое зрелище утомляет.

Я хотела ответить.

Очень хотела.

Но над кругом вспыхнули серебряные линии, и все разговоры стихли.

Командор Вэрт вышел к центру плаца.

— Первое испытание — круг драконьей воли. Оно не требует силы рода. Не требует оружия. Не требует выученных приёмов. Оно показывает, способен ли кандидат стоять под давлением крыла и не предать собственную волю.

Давлением крыла.

Звучало ужасно.

— Кто упадёт за пределы круга — выбывает, — продолжал Вэрт. — Кто опустится на колени и признает поражение — выбывает. Кто потеряет контроль и ударит другого кандидата — выбывает. Время испытания — до третьего удара малого горна.

Я украдкой посмотрела на остальных.

Никто не выглядел испуганным. Напряжённым — да. Сосредоточенным — да. Но они знали, что делать. Их готовили. Они выросли с этими правилами.

А я сегодня утром впервые узнала, что драконы не выдумка.

Ректор Ровенгар поднялся на верхнюю ступень у края плаца.

Ветер тронул его мундир. На мгновение мне показалось, что за его спиной шевельнулась тень крыльев. Не настоящих — нет. Или настоящих? Я уже ни в чём не была уверена.

— Начать, — сказал он.

Каменные столбы вспыхнули.

И мир стал тяжелее.

Не образно. По-настоящему.

На плечи опустилась невидимая сила. Колени дрогнули. Воздух уплотнился, каждое движение стало медленным, будто я шла против воды. Где-то рядом охнула девушка. Один из парней выругался сквозь зубы.

Я сжала кулаки.

Стой.

Просто стой.

Что может быть проще?

Давление усилилось.

Плац будто наклонился, но я понимала: это не плац. Это меня тянет вниз. Не физически. Глубже. Сила круга будто шарилась внутри, искала место, где я уже привыкла сдаваться.

И находила.

Эйра, не смей.

Эйра, молчи.

Эйра, голову ниже.

Эйра, ты никто.

Чужие голоса поднимались один за другим. Мара. Нелла. Кадеты. Какие-то люди из прошлого этой девушки, которых я не знала, но чью жестокость тело помнило лучше имён.

Я вдохнула.

Перед глазами дрожала серебряная линия круга. До неё было меньше шага. Один шаг — и всё закончится. Я смогу вернуться в тень арки. Меня будут смеяться. Да. Но я выживу.

Выживу ли?

Прежняя Эйра тоже выживала.

Долго.

Молча.

Пока однажды не проснулась уже я.

Где-то впереди упал первый кандидат. Не выдержал, рухнул на ладони, выкатился за край круга. Смеха не было. Испытание забрало у зрителей желание шуметь.

Горн ударил один раз.

Мне казалось, что прошло не меньше часа. На деле — минуты.

Мирена стояла прямо. Даже красиво. Тайрен рядом с ней уже не улыбался, но держался уверенно. Ещё несколько кандидатов побледнели. Один парень опустился на колено и тут же исчез за серебряной чертой — его вывели наставники.

Я осталась.

Сама не знала как.

Давление вдруг изменилось.

Стало не тяжелее — личнее.

Передо мной возникла картинка: прачечная. Каменный пол. Я лежу в луже, а надо мной Мара говорит: «Жаль». И вместе с этим — другая память, уже моя. Чужая лестница. Звонок, на который я опаздывала. Рука, скользнувшая по перилам. Падающий телефон. Темнота.

Две жизни столкнулись внутри.

Арина, которая не успела ничего решить.

Эйра, которой никогда не давали решать.

Я пошатнулась.

— Вот и всё, — донёсся откуда-то голос Неллы. — Сейчас упадёт.

Наверное, она была права.

Я почти упала.

Колени дрогнули. Одна нога скользнула назад. Серебряная граница круга оказалась совсем близко. Ещё чуть-чуть — и меня вытолкнет наружу.

И тут я увидела ректора.

Он стоял на ступенях, неподвижный, как часть самой академии. Его взгляд был направлен на меня. Не на Мирену. Не на лордов. На меня.

В нём не было поддержки.

Он не собирался меня спасти.

Но и не ждал моего падения.

Он смотрел так, будто впервые задавался вопросом, кто я такая.

И почему-то именно это удержало меня сильнее любой помощи.

Я злилась.

На этот мир. На прачечную. На тех, кто внес моё имя ради смеха. На прежнюю жизнь, которая закончилась без разрешения. На новую, которая началась с пола.

На себя — за то, что всё ещё боюсь.

— Нет, — прошептала я.

Серебряные линии круга дрогнули.

Кандидат слева от меня вскрикнул и отступил. Я не посмотрела. Давление обрушилось новой волной, и теперь в нём было что-то живое. Огромное. Крылатое. Древнее.

Воля дракона.

Она не говорила словами. Она приказывала самой сути: ниже, ниже, ниже.

Я стиснула зубы.

Внутри вспыхнула мысль, горячая и ясная: я уже была внизу.

Ниже некуда.

Я сделала шаг.

Не назад.

Вперёд.

Сначала никто не понял. Я тоже не поняла, зачем. Просто тело не захотело стоять на месте, ожидая, когда его сломают. Я шагнула к центру круга. Потом ещё раз.

Давление тут же стало таким, что на глазах выступили слёзы. Не от слабости — от напряжения. Воздух дрожал. Каменные столбы впереди казались размытыми.

— Она что делает? — услышала я чей-то голос.

— Линн! — рявкнул командор Вэрт. — Стоять на месте!

Поздно.

Я шла.

Каждый шаг давался так, будто к ногам привязали всю прачечную, все корзины, все чужие насмешки и все приказы, которые Эйра когда-либо проглотила. Но я шла. Не быстро. Неровно. Сцепив пальцы в кулаки так крепко, что ногти впились в ладони.

Мирена повернула голову. Впервые в её глазах мелькнуло не презрение.

Удивление.

Тайрен выдохнул:

— Бездна, прачка...

Второй удар горна разрезал воздух.

До конца оставалось немного.

Я дошла почти до центра.

И там увидела то, чего не было видно с края: между четырьмя столбами на камне был вырезан знак. Не крыло. Не клинок. Спираль, похожая на свернувшегося дракона, кусающего собственный хвост.

Когда я наступила рядом, знак вспыхнул.

Серебряный свет ударил вверх.

Не ярко — больно для взгляда, но красиво. Линии побежали по камню от моих ног к столбам. Круг загудел. Кандидаты вскрикнули. Кто-то отшатнулся. Ветер сорвался с места и закрутил подол моего серого платья.

Я замерла.

Внутри, где до этого был страх, открылось что-то тёплое.

Не огонь. Нет.

Скорее искра, долго лежавшая под пеплом.

Она проснулась.

И вместе с ней проснулось чужое, невозможное чувство: будто высоко над плацем распахнулись крылья, но принадлежали они не дракону в небе, а мне.

Столбы вспыхнули один за другим.

Север.

Восток.

Юг.

Запад.

На плацу раздался общий возглас.

Давление исчезло.

Я покачнулась и едва не упала, но удержалась. На этот раз — сама.

Третий удар горна прозвучал глухо, будто издалека.

Серебряный свет ещё дрожал у моих ног, а потом тонкой линией поднялся по коже правой руки. Я резко отдернула ладонь, но было поздно. На внутренней стороне запястья проступила тонкая светлая черта, похожая на начало узора.

Кто-то прошептал:

— Не может быть.

Я подняла голову.

Все смотрели на меня.

Уже не смеялись.

Мара у арки стояла белая как полотно. Нелла прижала ладонь ко рту. Мирена Вайс не сводила глаз с моего запястья. Тайрен Орс впервые выглядел так, будто у него закончились шутки.

А ректор Ровенгар спустился с первой ступени.

Потом со второй.

Медленно.

Очень спокойно.

Но чем ближе он подходил, тем отчётливее я видела: его лицо стало жёстче. Глаза потемнели, и в серебряном ободке вокруг зрачков мелькнуло что-то нечеловеческое.

Он остановился перед кругом.

Не вошёл.

Только посмотрел на мою руку.

— Эйра Линн, — произнёс он так тихо, что слышали все. — Кто ты такая?

Я хотела ответить.

Правда хотела.

Но в этот миг знак на моём запястье вспыхнул снова.

И такой же серебряный свет отозвался на руке ректора. Под манжетой его чёрного мундира, там, где кожа должна была быть пустой, проступила вторая линия — точная, живая, связанная с моей.

Плац ахнул.

Командор Вэрт сделал шаг назад.

Мирена Вайс побледнела.

А я стояла в центре драконьего круга, в сером платье прачки, с чужим именем и чужой судьбой, и понимала только одно.

То, что сейчас произошло, было хуже любого провала.

Потому что прачка не просто выдержала испытание.

Прачка пробудила силу, которой у неё не должно было быть.

И эта сила ответила самому ректору-дракону.

Глава 2. Испытание драконьего круга

Я никогда не слышала, как молчит толпа.

Не просто затихает, не просто перестаёт смеяться, не просто ждёт приказа старшего. Молчит так, будто у каждого разом отняли право дышать громче соседа.

Северный плац, ещё минуту назад полный шепота, насмешек и сдержанного высокомерия, стоял неподвижно. Кадеты смотрели на мою руку. Наставники — на руку ректора. Прачки у арки жались друг к другу, как испуганные птицы под карнизом.

А я смотрела на серебряную линию на своём запястье и никак не могла понять, что именно со мной произошло.

Она была тонкой. Почти изящной. Не рана, не ожог, не грязь, которую можно стереть подолом. Линия шла от основания ладони к внутренней стороне руки, будто кто-то провёл по коже светящейся нитью и оставил её там, под самой поверхностью.

И такая же нить отвечала на руке Каэла Ровенгара.

Под его манжетой.

На его коже.

У ректора-дракона, перед которым вся академия вытягивалась в струну.

Я медленно подняла глаза.

Ровенгар смотрел не на меня. На знак. Его лицо оставалось спокойным, но спокойствие это было неправильным. Слишком жёстким. Слишком неподвижным. Так, наверное, выглядит закрытая дверь в комнате, где только что разбили зеркало.

— Ректор, — командор Вэрт первым нарушил тишину.

Его голос прозвучал хриплее обычного. Он сам это услышал и выпрямился ещё сильнее, будто попытался вернуть себе прежнюю твёрдость.

Каэл поднял руку.

Одного движения хватило, чтобы командор замолчал.

Я поняла, что должна что-то сказать. Хоть что-нибудь. Например, что я не специально. Что я не знаю, как это получилось. Что утром вообще очнулась на полу прачечной и до сих пор не уверена, не сошла ли с ума.

Ни один из вариантов не звучал удачно.

— Эйра Линн, — повторил ректор.

От того, как он произнёс чужое имя, оно вдруг стало тяжелее. Не кличкой из прачечной. Не строкой на грубом переднике. Настоящим именем, за которое теперь придётся отвечать.

— Да, ректор, — сказала я.

Голос не подвёл. Почти.

— Выйдите из круга.

Я посмотрела на серебряную границу у своих ног. После вспышки линии круга поблекли, но не исчезли. Казалось, камень всё ещё прислушивается ко мне. К моей коже. К тому странному свету, который только что связал меня с человеком, от одного взгляда которого взрослые лорды забывали, что собирались говорить.

— Я могу? — спросила я тихо.

В толпе кто-то коротко усмехнулся, но тут же подавился этим звуком.

Ровенгар сделал шаг ближе к границе. Не переступил её, только остановился так, что между нами осталась серебряная черта.

— После третьего удара горна испытание завершено. Можете.

Просто.

Сухо.

Как будто ничего особенного не произошло.

Как будто у него на руке не вспыхнул такой же знак.

Я шагнула к краю круга.

И едва не упала.

Не потому, что меня ударило новой силой. Наоборот: давление исчезло, а тело, которое несколько минут держалось только на злости, вдруг вспомнило, что оно слабое, чужое, невыспавшееся, в мокром сером платье и с руками, привыкшими к корытам, а не к драконьим испытаниям.

Колени дрогнули.

Я успела выставить ладонь, но до камня не дотянулась.

Ровенгар поймал меня за локоть.

Не грубо. Не мягко. Точно.

Его пальцы сомкнулись поверх ткани моего рукава, и по коже под ними прошла горячая дрожь. Не приятная и не неприятная — опасная. Слишком живая для человека, который должен быть мне чужим.

Серебряная линия на запястье вспыхнула ярче.

На этот раз я увидела, как знак отозвался у него. Мгновенно. Без промедления. Свет под его манжетой дрогнул, будто нить натянулась между нами.

Ровенгар отпустил меня сразу.

Так быстро, словно я была не девушка из прачечной, а раскалённый клинок.

И это почему-то задело сильнее, чем насмешки.

— Стоять можете? — спросил он.

— Если больше никто не будет давить на меня драконьей волей, — ответила я и только потом поняла, что сказала это вслух.

Слева тихо фыркнул Тайрен Орс.

Взгляд ректора скользнул к нему, и Тайрен моментально стал самым серьёзным человеком на плацу.

Каэл снова посмотрел на меня.

— В таком случае стойте.

— Слушаюсь.

Я выпрямилась.

Медленно. С усилием. Но сама.

Командор Вэрт подошёл ближе. Его квадратное лицо выражало столько вопросов, что я невольно пожалела его подчинённых. Если он так смотрит перед обычной тренировкой, люди наверняка сами признаются во всём, даже в том, чего не делали.

— Ректор, кандидатов нужно вывести из круга и объявить результаты, — произнёс он. — Но то, что произошло...

— Результаты будут объявлены, — перебил Каэл. — По правилам академии.

— По правилам, — повторил Вэрт, и в этих двух словах слышалось совсем другое: «Вы уверены?»

Ровенгар не повысил голос.

— Командор.

Вэрт сжал челюсть.

— Да, ректор.

Я стояла рядом с кругом и чувствовала на себе взгляды. Они были разными. Непонимающими. Злыми. Испуганными. Жадными до чужого падения и ещё более жадными до чужой тайны.

Мирена Вайс первой вышла из строя кандидатов.

Она шла без спешки, но каждый её шаг казался вызовом. Серебряная застёжка у горла блестела холодно, белая коса лежала на плече без единой выбившейся пряди. Даже после испы-

тания она выглядела так, будто просто прогулялась по саду, а не стояла под давлением силы, которая едва не вдавила меня в камень.

Она остановилась в нескольких шагах от ректора и склонила голову ровно настолько, насколько требовал этикет. Не ниже.

— Ректор Ровенгар, прошу разрешения говорить.

Плац ожил шёпотом.

Каэл не повернулся к ней сразу. Сначала он одёрнул манжету, закрывая свой знак. Жест был коротким, почти незаметным. Но я его увидела.

И Мирена увидела.

Её взгляд на миг задержался на его рукаве.

— Говорите, леди Вайс, — сказал он.

— Имя служащей попало в список отбора ошибочно или по чьему-то злому умыслу. Это очевидно всем присутствующим. Девушка не имеет формы кандидата, подготовки, допуска рода и подтверждённого покровительства. То, что круг отреагировал на неё, требует проверки, но не даёт ей права быть признанной участницей отбора.

Говорила она красиво.

Очень красиво.

Каждое слово — как аккуратно положенный камень в стену, за которой меня собирались замуровать. Ни одного прямого оскорбления. Ни одной истерики. Только правила, порядок, роды, допуски.

И всё же смысл был простой: прачке не место среди нас.

Мара у арки закивала так часто, будто от этого зависела её жизнь.

Я хотела возразить, но сдержалась.

Не потому, что испугалась Мирены. Хотя, если честно, немного испугалась. Такие, как она, не бросаются в драку. Они делают так, что завтра тебе негде спать, некуда идти и некому сказать твоё имя без презрения.

Но я не знала правил.

А спорить там, где не понимаешь законов, — значит самой подставить горло.

Каэл повернулся к командору.

— Список кандидатов был утверждён до начала отбора?

— Да, ректор.

— Печать академии стояла?

Вэрт помрачнел.

— Стояла.

— Имя Эйры Линн было оглашено до закрытия круга?

— Было.

— Она отказалась от участия?

— Нет.

— Покинула круг до завершения первого испытания?

— Нет.

— Опустилась на колени?

Командор покосился на меня.

— Нет.

— Потеряла контроль и ударила другого кандидата?

— Нет.

— Нарушила правила первого испытания?

Вэрт помолчал.

— Она двигалась к центру круга после моего приказа стоять на месте.

У меня внутри всё сжалось.

Вот оно.

Ректор медленно перевёл взгляд на меня.

— Приказ командора был дан до начала испытания или во время?

— Во время, — ответил Вэрт.

— В правилах первого круга есть запрет на движение?

Командор смотрел на него так, будто они оба прекрасно понимали, насколько сейчас тонок лёд.

— Прямого запрета нет.

— Значит, нарушение отсутствует.

Мирена подняла подбородок.

— Ректор, при всём уважении, речь не только о правилах. Речь о достоинстве академии. Если сегодня служащая из прачечной станет кандидатом только потому, что её имя кто-то внёс в список ради насмешки, завтра сюда придёт любой мальчишка с улицы и потребует место среди крылатых.

Тайрен Орс негромко сказал:

— Если любой мальчишка с улицы выдержит круг лучше половины зала, я бы посмотрел.

Рядом кто-то толкнул его локтем.

Мирена даже не обернулась.

— Испытание могло быть искажено неизвестной силой, — продолжила она. — Мы все видели вспышку.

При слове «вспышка» несколько кандидатов зашептались.

Я машинально накрыла запястье ладонью. Серебряная линия под пальцами была тёплой. Не обжигала. Просто жила там, где её не должно быть.

Ровенгар заметил движение.

— Уберите руку, Эйра Линн.

Я застыла.

— Ректор?

— Уберите руку.

Не просьба.

Я медленно опустила ладонь.

Серебряная черта снова оказалась видна всем. Тонкая. Упрямая. Будто решила не прятаться, даже если я очень хотела.

Мирена побледнела ещё сильнее, но голос удержала.

— Вот именно об этом я и говорю.

— О чём именно, леди Вайс?

— О знаке, которому здесь не место.

Ректор молчал.

Плац будто снова перестал дышать.

Я смотрела то на него, то на неё, и вдруг поняла, что они знают больше меня. Все знают больше меня. Для них эта линия была не просто странной магической царапиной. Она что-то означала. Что-то настолько опасное, что даже Мирена с её ледяным достоинством едва держала лицо.

— Какому знаку? — спросила я.

Не громко.

Но меня услышали.

Мирена повернулась ко мне.

В её глазах не было страха. Только презрение, приправленное чем-то острым, почти личным.

— Тому, который прачки обычно видят только на чужих брачных кубках и родовых гобеленах.

Я не сразу поняла.

Зато поняли остальные.

По плацу прошёл глухой, неровный шёпот.

Брачных.

Мой взгляд сам метнулся к руке ректора, скрытой под манжетой.

Он стоял неподвижно.

Совсем.

Слишком неподвижно.

— Леди Вайс, — сказал Каэл.

В его голосе стало холоднее.

Мирена замолчала.

— Академия не обсуждает личные знаки на плацу.

— Но если знак связан с вами...

— Довольно.

Одно слово.

Даже дракон, круживший далеко над башней, будто ушёл выше в небо.

Мирена склонила голову. На этот раз ниже.

— Прошу прощения, ректор.

Я видела, как сжались её пальцы.

И впервые поняла: это не только обо мне. Не только о прачке, которая посмела пройти испытание. Между Миреной и Каэлом существовало что-то ещё. Не любовь — нет. Во всяком случае, я не увидела в её взгляде ни тепла, ни боли человека, которому разбили сердце. Скорее право. Ожидание. Договор, который кто-то считал почти заключённым.

А теперь на моём запястье светилась линия, способная этот договор испортить.

Замечательно.

Чужая жизнь становилась всё интереснее.

И всё опаснее.

Командор Вэрт шагнул к кандидатам.

— Первый круг завершён. Выбывшие покидают плац. Прошедшие остаются до объявления второго испытания.

В строю зашевелились. Нескольких ребят вывели за границу плаца. Кто-то сжимал кулаки, кто-то смотрел в землю, кто-то пытался казаться равнодушным. Я невольно отметила: среди выбывших были и те самые высокородные, которым ещё недавно смешно было видеть меня в кругу.

Мой страх стал чуть меньше.

Не исчез. Просто уступил место другому.

Злому, почти упрямому пониманию: я выдержала то же, что и они. А некоторые — хуже.

Мара у арки вдруг шагнула вперёд.

— Ректор! Разрешите говорить!

Все повернулись к ней.

Мара явно рассчитывала, что после Мирены её слова прозвучат весомее. Но на открытом плацу, перед кадетами и наставниками, она выглядела не хозяйкой прачечной, а перепуганной женщиной в сером переднике, которая слишком поздно поняла, что её служанка стала проблемой уже не её уровня.

Каэл посмотрел на неё.

— Говорите.

Мара глубоко вдохнула.

— Эйра Линн принадлежит нижней службе академии. За ней закреплены обязанности. Она не может быть кадеткой. Её отсутствие сорвёт работу прачечной, а форма крыльев не станет чистой сама по себе. Кроме того, она слабая. Непослушная. Сегодня уже дерзила мне и лорду Арвейну. Если позволить ей остаться здесь, она опозорит порядок.

Я слушала и вдруг почти физически ощущала, как каждое её слово пытается вернуть меня назад. В подземные коридоры. К корытам. К мокрому камню. К месту, где можно умереть, и никто даже не удивится.

Слабая.

Непослушная.

Опозорит порядок.

Я не знала, как была устроена эта академия. Не знала, что будет завтра. Но очень ясно поняла: если сейчас позволю им решить за меня, то дальше решать будут всегда.

Я сделала шаг вперёд.

— Разрешите говорить, ректор.

Мара вскинулась.

— Молчи!

— Разрешаю, — сказал Каэл.

Его взгляд остановился на мне. Внимательный. Непроницаемый.

Я выпрямилась.

— Я не знаю, кто внёс моё имя в список. Возможно, это была ошибка. Возможно, шутка. Возможно, кто-то хотел, чтобы я упала перед всей академией.

По рядам прошёл шёпот.

Я продолжила, пока голос не успел дрогнуть:

— Но я не падала. Я не просила вписать меня в список, но вышла, когда меня вызвали. Я прошла первое испытание по правилам, которые вы сами назвали. Если академия признаёт только род, тогда скажите прямо, что испытание ничего не значит. Если же круг должен был показать волю кандидата...

Я посмотрела на серебряную линию у своих ног.

Потом на ректора.

— Тогда моя воля ничем не хуже их.

Тишина после этих слов оказалась иной.

Не мёртвой.

Живой.

Кадеты переглядывались. Кто-то с неодобрением. Кто-то с любопытством. Тайрен Орс смотрел на меня уже без насмешки, и это почему-то подбодрило больше, чем могло бы любое красивое обещание.

Мирена Вайс медленно повернулась ко мне всем корпусом.

— Воля — не всё, Эйра Линн. Академия готовит не упрямцев, а будущих офицеров драконьих крыльев. Здесь важны честь, воспитание, знание законов, владение силой, верность империи и способность не позорить тех, кто стоит рядом.

— Тогда, наверное, хорошо, что обучение только начинается, — ответила я.

Её глаза сузились.

— Ты даже не понимаешь, куда пришла.

— Понимаю достаточно, чтобы не уползать обратно только потому, что вам неприятно на меня смотреть.

У Мирены дрогнула щека.

Всего раз.

Маленькая победа.

Глупая, опасная, но моя.

— Эйра Линн, — голос ректора разрезал напряжение прежде, чем оно стало открытой ссорой.

Я тут же замолчала.

— Вы осознаёте, что кандидат, принятый на испытательный срок, подчиняется уставу академии? Не прачечной, не нижней службе, не личным обидам, а уставу. Приказ наставника обязателен. Самовольство наказывается. Дерзость не заменяет подготовки.

— Осознаю, — сказала я, хотя осознать всё это в полной мере было невозможно.

— Вы осознаёте, что ваше происхождение будет проверено?

— Да.

— Что до окончания проверки вы не имеете права покидать академию?

Покидать?

Я и так не знала, куда идти. Но то, как он это произнёс, заставило насторожиться.

— Да, ректор.

— Что знак на вашей руке не даёт вам привилегий?

Шёпот снова качнулся по рядам.

Вот теперь я услышала в его голосе не только власть, но и предупреждение. Не для меня одной. Для всех.

Я подняла подбородок.

— Мне пока он дал только проблемы.

Тайрен за моей спиной кашлянул подозрительно похоже на смешок.

Вэрт смерил его тяжёлым взглядом.

Каэл смотрел на меня дольше, чем требовалось для ответа.

— Это ещё предстоит выяснить.

Мурашки побежали по коже.

Не от страха. Или не только от него.

Он повернулся к командору.

— Эйра Линн остаётся в отборе.

Мара издала странный сдавленный звук.

Мирена резко вдохнула.

Кадеты заговорили все разом.

— Ректор! — голос Мирены впервые сорвался с идеальной высоты. — Вы не можете...

— Могу, леди Вайс.

— Но Совет родов...

— Совет родов не проводит сегодняшний отбор.

— Её присутствие оскорбит семьи тех, кто годами готовился к академии!

— Если чья-то честь не выдерживает присутствия бывшей прачки в строю, — сказал Ровенгар ровно, — такой чести будет трудно выдержать дракона в бою.

По плацу словно прошёл порыв ветра.

Мирена замолчала.

А я вдруг поняла, что он не защищает меня.

Не так, как защищают слабого.

Он защищает правило, которое сам решил признать. Круг. Испытание. Устав. Может быть, собственную власть. Может быть, академию от влияния родов. Я не знала.

Но от его слов мне всё равно стало легче стоять.

Совсем немного.

— Однако, — продолжил ректор, и это «однако» сразу вернуло меня с небес на чёрный камень плаца, — до выяснения обстоятельств Эйра Линн не получает статус полноценной кадетки. Она получает испытательный допуск нижнего уровня.

Мара оживилась.

— То есть она вернётся в прачечную?

— Нет.

Мара снова застыла.

— С этого момента она переводится под надзор командора Вэрта.

Командор чуть заметно напрягся, но не возразил.

— Её место в казарменном крыле будет определено после второго испытания. Форма будет выдана временная. Все прежние обязанности нижней службы с неё снимаются до решения комиссии академии.

Я услышала эти слова и не сразу поверила.

Снимаются.

Обязанности прачечной.

С меня.

На миг перед глазами снова вспыхнул пол, корыта, пар, пальцы Мары на моём запястье. И вдруг всё это отступило на шаг. Не исчезло. Просто перестало держать за горло.

Мара побагровела.

— Но ректор, прачечная не справится без неё!

— Справится, — сказал Каэл.

— Она моя служащая!

Теперь он посмотрел на неё по-настоящему.

Мара осеклась.

— В академии нет ваших людей, госпожа Мара. Есть люди академии.

Я не знала, бывает ли у грубых надзирательниц чувство, похожее на страх. Но сейчас увидела его ясно.

Мара склонила голову.

— Да, ректор.

Мне хотелось улыбнуться.

Очень хотелось.

Я не стала.

Потому что Нелла у арки смотрела на меня с такой ненавистью, что стало понятно: прачечная меня не отпустила. Просто её руки на время разжали пальцы.

Вэрт кашлянул.

— Ректор, если Линн остаётся, ей нужно пройти отметку кандидата.

— Проведите.

Командор развернулся к столу у края плаца, где один из наставников держал узкую деревянную дощечку с рядами маленьких металлических пластин. На каждой был выбит номер и знак крыла.

— Кандидаты, прошедшие первый круг, подходят по одному.

Очередь двинулась.

Я осталась на месте, не понимая, что делать, пока Тайрен Орс не оказался рядом.

— Поздравляю, прачка, — сказал он негромко. — Ты испортила утро половине академии.

— Только половине?

Он усмехнулся.

— Вторая половина ещё не проснулась.

Я посмотрела на него внимательнее. Вблизи он казался моложе, чем в строю. Высокий, широкоплечий, с тёмными вьющимися волосами и глазами, в которых насмешка жила слишком привычно, чтобы быть настоящей. На его воротах был родовой знак, но потёртый, без дорогих камней.

— Ты тоже считаешь, что мне здесь не место? — спросила я.

— Конечно.

Вот спасибо за честность.

Он поднял руки, заметив мой взгляд.

— Но если место дают только тем, кто всем нравится, меня бы самого выставили ещё у ворот.

— Утешил.

— Я не нанимался утешать. Я наблюдаю. Это полезнее.

— И что ты наблюдаешь?

Тайрен скосил глаза на ректора, который говорил с командором у ступеней.

— Что Ровенгар только что поставил себя поперёк нескольких старых домов ради девушки, которая утром, скорее всего, стирала его мундир.

— Он сказал, что знак не даёт мне привилегий.

— А ты думала, он объявит тебя своей сияющей судьбой перед всем плацем?

Я резко посмотрела на него.

— Что значит «своей»?

Тайрен замер.

Его улыбка стала тоньше.

— Ты правда не знаешь?

— Если бы знала, не спрашивала бы.

Он изучал меня несколько мгновений, и я впервые увидела в нём не только шутника. Под ленивой насмешкой пряталась осторожность. Даже подозрение.

— Метки у драконов бывают разные, — сказал он наконец. — Родовые. Боевые. Клятвенные. Но та, что отвечает на двух руках сразу... обычно означает связь.

— Какую связь?

— Таковую, за которую одни убивают, другие женятся, а третьи созывают Совет и делают вид, что решают судьбу мира.

Отлично.

Просто превосходно.

Я посмотрела на своё запястье.

— Ты можешь говорить менее успокаивающе?

— Могу вообще не говорить. Но ты спросила.

— И что мне теперь делать?

— Для начала — не показывать, что ты понятия не имеешь, во что вляпалась.

— Поздно.

— Очень.

Он сказал это без злобы. И почему-то я почти улыбнулась.

Почти.

— Линн! — позвал Вэрт.

Я подошла к столу.

Наставник с пластинами смерил меня взглядом, в котором читалось откровенное сомнение, но спорить не стал. Он взял одну пластину, приложил к ней палец, и на металле проступило моё имя.

Эйра Линн.

Ни рода.

Ни крыла.

Ни знака семьи.

Пустое место рядом с именем смотрелось почти вызывающе.

— Крепится на ворот, — сказал наставник.

Я взяла пластину.

Холодная. Тяжелее, чем выглядела.

В прачечной на моём переднике имя было вышито криво и грубо, будто никто не хотел тратить лишнюю нитку. Здесь оно проступило ровно, чётко, без сомнений.

Я приколола пластину к серому вороту платья.

Смотрелось смешно.

И всё же внутри что-то откликнулось.

Кандидатка.

Пока не кадетка. Ещё нет. Но уже не просто прачка у стены.

— Следующая, — бросил Вэрт.

Мирена Вайс подошла сразу после меня. Её пластина вспыхнула сложным серебряным узором вокруг имени. Род Вайс. Северо-восточная ветвь. Высший допуск. Всё, чем я не была.

Она приколола знак идеально ровно и повернулась ко мне.

— Не радуйся раньше времени.

— Я стараюсь радоваться строго по расписанию академии.

— Тебе кажется, что ты выиграла, потому что ректор оставил тебя на плацу. Но он не сможет вечно закрывать собой каждую твою ошибку.

— Он и не закрывал.

Мирена усмехнулась.

— Именно это он сделал. Просто ты ещё слишком мало понимаешь, чтобы оценить цену.

Она ушла в строй.

Я смотрела ей вслед, пытаясь решить, злится она из-за меня, из-за ректора или из-за того, что мир на её глазах на минуту перестал подчиняться привычным правилам.

Наверное, всё сразу.

Второе испытание в тот день не началось сразу.

Командор Вэрт приказал кандидатам оставаться на плацу и выстроил нас в два ряда. Выбывших уже увели. Прачки тоже начали расходиться, но Мара задержалась у арки. Нелла стояла рядом с ней, и обе смотрели так, что мне стало ясно: если я снова окажусь внизу одна, разговор будет неприятным.

Ровенгар всё ещё говорил с двумя наставниками. Его лицо ничего не выражало. Манжета была аккуратно поправлена. Знак скрыт.

Мой — нет.

Я пыталась не смотреть на запястье, но взгляд всё равно возвращался. Серебряная черта постепенно тускнела, становилась менее заметной, почти как тонкий светлый шрам. Только слово «шрам» я тут же отбросила. Не хотела думать о теле так. Не сейчас.

— Руку за спину, Линн, — неожиданно сказал Вэрт.

Я выпрямилась.

— Что?

— В строю руки держат за спиной. Плечи расправить. Подбородок не задирать. Ты не на рынке и не в прачечной.

Несколько кандидатов тихо хмыкнули.

Я поставила руки за спину.

Серое платье тянуло под мышками. Пластина с именем царапала ворот. Волосы мешали смотреть прямо. Я чувствовала себя нелепо рядом с их формой, начищенными застёжками и уверенными лицами.

Вэрт прошёл вдоль ряда.

— Первый круг отсеивает тех, кто ломается под давлением. Это не делает прошедших кадетами. Это всего лишь означает, что у вас хватило воли не рухнуть при первом приказе мира. Дальше будет хуже.

Тайрен шепнул сбоку:

— Он умеет вдохновлять.

Я едва удержалась, чтобы не ответить.

Вэрт остановился передо мной.

— Линн.

— Да, командор.

— Ты не знаешь построений, не знаешь устава, не знаешь знаков крыльев, не знаешь обращений к старшим, не знаешь, как держать спину, и, судя по обуви, не знаешь, как завязывать ремни так, чтобы не споткнуться через десять шагов.

Я молча посмотрела вниз.

Один ремешок на башмаке действительно развязался.

Предатель.

— Но, — продолжил Вэрт, и это «но» прозвучало не мягче удара по столу, — круг ты выдержала. Почему?

Вот вопрос.

Потому что я попаданка? Потому что прежняя Эйра оставила внутри что-то упрямое? Потому что кто-то вписал моё имя в список, а магический круг решил устроить представление? Потому что я испугалась так сильно, что страх превратился в злость?

— Не знаю, командор, — сказала я.

Вэрт прищурился.

— Честный ответ лучше красивой лжи. Запомни это. В академии ложь обычно слышат раньше, чем её успевают закончить.

Я кивнула.

— Но одного «не знаю» тебе не хватит, — добавил он. — До заката ты должна выучить правила нижнего строя и обращения к наставникам. До завтрашнего утра — порядок утреннего построения. Через три дня ты сдашь проверку по основам устава. Провалишь — вылетишь раньше, чем прачечная успеет соскучиться.

Сзади кто-то тихо хихикнул.

Вэрт даже не обернулся.

— Ещё один звук — и весь ряд будет учить устав на плацу до ночного колокола.

Смех оборвался.

Я впервые посмотрела на командора почти с благодарностью.

Почти.

Потому что «до заката выучить правила» звучало как приговор для человека, который ещё не знал, где здесь уборная. Нет. Это слово тоже лучше не использовать. Где здесь вообще что.

Ректор наконец подошёл к строю.

Вэрт выпрямился.

— Кандидаты, прошедшие первый круг, готовы к дальнейшим распоряжениям.

Каэл оглядел нас.

Когда его взгляд коснулся меня, серебряная линия на запястье снова тихо потеплела. Я сжала пальцы за спиной, делая вид, что ничего не чувствую.

Он тоже сделал вид.

Наверное, у нас уже появилась первая общая традиция.

— Второе испытание переносится на завтра, — сказал ректор.

По строю прошёл шёпот.

Вэрт нахмурился.

— Ректор?

— Круг дал нестандартный отклик. До проверки камня продолжать отбор нецелесообразно.

Камень.

То есть дело было не только во мне. Или он хотел, чтобы так думали остальные.

Мирена Вайс выступила на полшага.

— Ректор, значит ли это, что результаты первого круга могут быть отменены?

— Нет.

— Но если отклик был нестандартным...

— Испытание завершено. Результаты действительны.

— Даже для неё?

Эти два слова прозвучали тише, но ударили отчётливо.

Для неё.

Не для Эйры Линн.

Не для кандидатки.

Для неё.

Ровенгар повернул голову.

— Особенно для неё.

Я не успела понять, почему от этих слов внутри стало так странно.

Не радостно. Не спокойно.

Опасно.

Будто он не просто оставил меня в отборе, а поставил на край шахматной доски фигуру, которую теперь увидели все игроки.

— Кандидаты свободны до вечернего построения, — сказал Каэл. — Командор Вэрт распределит временные места и выдачу формы. Линн.

Я вздрогнула.

— Да, ректор.

— Вы задержитесь.

Вот теперь шёпот стал почти неприличным.

Тайрен рядом тихо протянул:

— Ну вот. Уже задерживают после занятий.

Я бросила на него взгляд, обещавший многое, но молча осталась стоять.

Кандидатов начали уводить с плаца. Мирена прошла мимо меня последней. На этот раз она остановилась так близко, что я почувствовала лёгкий запах морозного ветра от её одежды.

— Запомни этот день, Эйра Линн, — сказала она тихо. — Сегодня тебе позволили войти в круг. Это не значит, что тебе позволят из него выйти победительницей.

— А вы всегда заранее решаете, кому что позволено?

— Да, — ответила Мирена без улыбки. — Поэтому я всё ещё жива в мире, где слабых не спрашивают.

Она ушла, оставив после себя холоднее, чем было до неё.

Странно.

Я ожидала только злости. Но в её словах мелькнуло что-то другое. Не оправдание — нет. Скорее трещина. Маленькая, быстро закрытая.

Слабых не спрашивают.

С этим я как раз была готова согласиться.

На плацу остались ректор, командор Вэрт, двое наставников у дальних столов и я. Прачек у арки больше не было, но мне казалось, что взгляд Мары всё ещё цепляется за спину.

Каэл подошёл ближе.

Я заставила себя не отступить.

— Покажите руку.

Я медленно протянула запястье.

Он не коснулся.

Только посмотрел.

И почему-то это было почти хуже прикосновения. Потому что его внимание ощущалось физически. Холодное, точное, опасное. Как лезвие, которым не режут, пока ты не дёрнешься.

— Когда знак появился впервые? — спросил он.

— В круге.

— До этого никаких отметок не было?

— Нет.

— Боли, жара, посторонних ощущений перед испытанием?

Я быстро перебрала в голове запреты, которые сама для себя ещё не называла, но уже чувствовала: чем меньше странностей, тем лучше. Нельзя рассказывать, что я чужая в этом теле. Нельзя говорить, что утром не знала собственного имени. Нельзя признавать, что понятия не имею, какие здесь бывают ощущения перед магией.

— Было давление круга, — сказала я. — И страх. Остальное... я не поняла.

— Что именно не поняли?

— Всё.

Командор Вэрт коротко хмыкнул.

Ровенгар посмотрел на меня внимательнее.

— Это не ответ.

— Зато честно.

— Честность без ясности редко помогает.

— Тогда задайте вопрос так, чтобы девушка из прачечной смогла на него ответить, ректор.

Я не собиралась говорить так резко.

Правда.

Просто усталость, страх, чужой мир, метка, Мирена, Мара и целый плац людей, которые только что обсуждали меня так, будто я вещь с неправильной маркировкой, сложились внутри в один острый край.

Командор Вэрт напрягся.

Но Каэл не разозлился. Во всяком случае, внешне.

— Хорошо, — сказал он. — Что вы почувствовали, когда шагнули к центру круга?

Я отвела взгляд к каменным столбам.

— Сначала казалось, что меня заставляют опуститься. Не телом. Внутри. Как будто круг знал, где у меня самое слабое место.

— И где оно?

Вопрос был тихим.

Слишком тихим для плаца.

Я посмотрела на него.

— Там, где я привыкла, что за меня уже всё решили.

Между нами повисла пауза.

Не долгая. Но в ней что-то изменилось.

Глаза Каэла оставались холодными, но выражение стало другим. Не мягче. Нет. Скорее внимательнее. Так смотрят на трещину в стене крепости: не с жалостью к камню, а с пониманием, что через неё однажды может пройти свет или враг.

— А потом? — спросил он.

— Потом я решила, что ниже мне уже некуда.

Командор Вэрт отвернулся, будто осматривал плац, но я заметила, как сдвинулись его брови.

Ровенгар молчал.

Я вдруг почувствовала себя слишком открытой. Словно сказала больше, чем собиралась. Это была не тайна попаданки, нет. Но это было что-то личное. Не Арины и не Эйры отдельно. Наше общее.

— Знак проявился, когда вы приблизились к центральной печати, — произнёс ректор наконец. — Круг признал отклик.

— Какой отклик?

— Это предстоит выяснить.

— А вы уже знаете.

Он поднял глаза от моего запястья к лицу.

— Я знаю, чем это может казаться.

— И чем же?

Командор Вэрт резко сказал:

— Линн.

В его голосе было предупреждение: не лезь.

Но я уже влезла. Полностью. По шею.

Каэл не стал уходить от ответа. Не совсем.

— В драконьих родах существуют знаки связи. Они редки. Они не подчиняются приказу. И они никогда не появляются случайно.

Слова упали между нами тяжело.

Редки.

Не подчиняются.

Никогда не случайно.

— Но это может быть не он? — спросила я.

— Может.

Он ответил слишком быстро.

И именно поэтому я не поверила.

— Тогда почему все так испугались?

— Потому что люди предпочитают бояться раньше, чем понимать.

— А вы?

— Я предпочитаю понимать раньше, чем принимать решение.

С этим спорить было трудно.

Но легче от этого не стало.

Я убрала руку.

— И какое решение вы примете насчёт меня?

— Пока вы остаётесь в академии.

— Пока?

— Пока не выяснится, кто внёс ваше имя в список, почему круг дал отклик и что именно появилось на вашей руке.

— А если выяснится что-то неудобное?

— В академии многое неудобно, Эйра Линн.

Он произнёс это почти спокойно.

Почти.

Но мне вдруг стало ясно: для него я не просто странная прачка с серебряной линией. Я проблема. Возможно, угроза. Возможно, ключ к чему-то, чего я сама не знала.

И всё же он оставил меня.

Не отпустил в прачечную. Не выставил за ворота. Не отдал Мирене, Маре или тем самым родам, о которых все говорили так, будто они могли распорядиться чужой жизнью одним росчерком.

— Почему? — вырвалось у меня.

— Что именно?

— Почему вы не вычеркнули меня сразу? Было бы проще.

Вэрт посмотрел на меня так, будто я только что ткнула палкой в спящего дракона.

Каэл не шевельнулся.

— Проще для кого?

Я не нашла ответа.

Потому что он был прав.

Проще для Мирены. Для Мары. Для плаца. Для тех, кто хотел, чтобы порядок остался прежним. Возможно, даже для самого Ровенгара.

Но не для меня.

— Для всех, кроме меня, — сказала я.

В его взгляде мелькнуло нечто едва уловимое.

— Именно.

Одно слово.

Но от него у меня по спине прошёл холод.

Не неприятный. Трезвящий.

Ректор-дракон видел это. Видел главную суть, мимо которой остальные проходили с высоко поднятыми головами: если меня выкинуть сейчас, удобно станет всем, кроме той, чьей судьбой распорядились.

Я не знала, делает ли это его добрым.

Скорее нет.

Но справедливость в нём была. Страшная, холодная, неудобная. Такая, что могла резать и врагов, и своих.

— Командор, — сказал Каэл, не отводя от меня взгляда. — Линн получит временную форму без знака крыла. До вечернего построения — отдельное место в нижней казарме под вашим надзором. К прачечной не возвращать.

— Будет исполнено.

— И ещё.

Вэрт выпрямился.

— Да, ректор?

Каэл перевёл взгляд на моё запястье.

— Никто не должен прикасаться к знаку без моего приказа.

Я почувствовала, как пальцы сами сжались.

— Почему?

Он посмотрел на меня.

— Потому что я не знаю, что ответит знак.

Мне нечего было сказать.

Вот совсем.

Впервые за это утро я не нашла ни дерзости, ни вопроса.

Ровенгар повернулся, чтобы уйти, но остановился.

— И, Эйра Линн.

— Да?

— В академии любопытство иногда опаснее незнания.

— Это совет?

— Предупреждение.

— А если я не умею не быть любопытной?

На этот раз я почти увидела тень выражения на его лице. Не улыбку. Нет. Что-то гораздо более редкое и быстро спрятанное.

— Тогда учитесь быстро.

Он ушёл.

Просто развернулся и направился к центральным дверям академии. Чёрный мундир, прямые плечи, строгий шаг. Ни разу не обернулся.

Но серебряная линия на моём запястье потеплела, когда за ним закрылись тяжёлые створки.

Будто знала, куда он ушёл.

Будто часть меня — тоже.

— Линн, — сказал Вэрт.

Я оторвала взгляд от дверей.

— Да, командор.

— Добро пожаловать в худший день твоей новой жизни.

— Это должно было прозвучать ободряюще?

— Нет.

— Тогда получилось.

Он хмыкнул.

— Пойдёшь за мной. Молчать. Смотреть под ноги. Ничего не трогать. Ни с кем не спорить.

— А если со мной начнут?

— Особенно тогда.

Я вздохнула.

— Сложное правило.

— Первое из многих.

Мы пошли через плац к боковому проходу. Кандидаты уже расходились группами. Одни открыто смотрели на меня, другие делали вид, что не смотрят. Тайрен Орс поднял два пальца в насмешливом приветствии. Мирены видно не было, но почему-то я не сомневалась: она где-то рядом и уже решает, что делать со мной дальше.

Когда мы проходили мимо арки, из тени выступила Нелла.

Я не ожидала.

Она стояла одна. Без Мары. Рыжие волосы выбились из косынки, лицо было бледнее обычного, но глаза горели.

— Думаешь, теперь стала выше нас? — спросила она тихо.

Вэрт остановился.

— Служащая, назад.

Нелла его будто не услышала. Смотрела только на меня.

— Думаешь, если ректор на тебя посмотрел, ты теперь госпожа? Кадетка? Избранная?

Я устала.

Так сильно, что даже злость поднималась медленно.

— Я думаю, что сегодня не вернусь к корытам.

Это было жестоко.

Я поняла по её лицу.

Нелла шагнула ближе.

— Вернёшься. Такие, как ты, всегда возвращаются туда, где им место.

Вэрт уже поднял руку, чтобы отстранить её, но я ответила раньше:

— Может быть. Но если вернусь, то уже не прежней.

Нелла бросила взгляд на моё запястье.

И улыбнулась.

— Препней ты и так не была с самого утра.

У меня внутри всё оборвалось.

Не от страха перед её угрозой. От смысла.

Она заметила.

Не метку. Не испытание. Раньше.

С самого утра.

Я шагнула к ней, забыв о приказе молчать.

— Что ты сказала?

Вэрт резко взял меня за плечо и удержал на месте.

— Линн.

Но Нелла уже отступала в тень арки. Улыбка исчезла, будто её и не было. На лице снова осталось простое злое презрение.

— Ничего, кандидатка. Тебе послышалось.

И она ушла вниз, в коридор прачечной.

Я стояла на месте и смотрела ей вслед.

Холодный воздух плаца вдруг стал слишком тонким.

Вэрт убрал руку с моего плеча.

— Объясни.

— Она знает, — сказала я.

— Что знает?

Я не могла ответить.

Не могла сказать: она заметила, что утром в теле Эйры проснулся кто-то другой.

Не могла сказать: возможно, прежняя Эйра умерла не просто от усталости.

Не могла сказать: девчонка из прачечной сейчас страшнее Мирены Вайс, потому что Мирена видела только метку, а Нелла — что-то до неё.

Я медленно подняла запястье.

Серебряная линия, почти потухшая после ухода ректора, вдруг снова вспыхнула. Только теперь она не тянулась ровной чертой.

Она изогнулась.

Сложилась в первый острый завиток.

И в глубине этого света, под кожей, на миг проявился знак, похожий на маленькое драконье крыло.

Командор Вэрт выругался одними глазами.

А из тёмного прохода, куда ушла Нелла, донёлся далёкий женский голос:

— Она должна была не пройти круг. Она должна была не проснуться.

Я резко обернулась.

Но в арке уже никого не было.

Только холодный камень, пустая тень и серебряная метка на моей руке, которая больше не собиралась притворяться случайностью.

Глава 3. Метка, которой не должно быть

Я бросилась к арке раньше, чем успела подумать.

Глупо.

Конечно, глупо.

В этом мире, как я уже успела убедиться, за каждый шаг без разрешения можно было получить не только окрик. Но голос из темноты прозвучал так спокойно, так буднично, будто речь шла не о моей жизни, а о плохо выстиранной форме.

Она должна была не проснуться.

Каменный проход встретил меня холодом и пустотой. Неллы там уже не было. Только узкая лестница уходила вниз, в сторону прачечной, и где-то глубже по стенам перебегали слабые отблески факельного света.

— Линн!

Рука командора Вэрта снова легла мне на плечо. На этот раз жёстче. Не больно, но так, что стало ясно: если я дёрнусь ещё раз, он просто поднимет меня за ворот и поставит обратно на место.

— Там кто-то был, — сказала я.

— Я слышал.

— Тогда почему мы стоим?

— Потому что ты не пойдёшь первой в тёмный коридор за человеком, который только что сказал, что ты не должна была проснуться.

Он произнёс это сухо, почти раздражённо, но от его слов мне стало не по себе. Пока фраза звучала только в моей голове, я могла притвориться, что ослышалась. Что нервы. Что чужой мир. Что за сегодняшний день я получила достаточно странностей, чтобы начать слышать угрозы даже в каплях воды.

Но Вэрт тоже слышал.

Значит, это было по-настоящему.

Я медленно повернулась к нему.

— Вы поняли, кто это говорил?

— Нет.

— Голос был женский.

— Я заметил.

— Это могла быть Нелла.

— Могла.

— Или не она.

— Линн, если ты продолжишь озвучивать всё, что очевидно, я начну сомневаться в пользе твоего зачисления.

Я закрыла рот.

И, как ни странно, именно это грубое замечание помогло мне удержаться на месте. Командор не был ласковым. Не пытался утешить. Не говорил, что всё будет хорошо. Зато он слышал, видел и не делал вид, будто мне показалось.

На фоне этого даже его каменное лицо казалось почти подарком судьбы.

Почти.

Он поднял руку, и двое наставников у дальнего стола тут же двинулись к нам.

— Перекрыть нижний проход, — приказал Вэрт. — Без шума. Никого из службы не выпускать в верхние коридоры до моего распоряжения. Найти Неллу из прачечной и Мару. Отдельно.

— Есть, командор.

Они ушли быстро. Не побежали, но шаги у них были такие, что я поняла: в этой академии приказ «без шума» означал не медленнее, а страшнее.

Я посмотрела вниз, в тёмную арку.

— Если это была не Нелла?

— Тогда мы узнаем, кто умеет говорить из пустых коридоров.

— У вас в академии такое часто бывает?

Вэрт бросил на меня взгляд.

— Сегодня впервые прачка прошла драконий круг, метка ректора ответила на её руке, а кто-то в нижнем крыле обсуждает, почему она проснулась. На твоём месте я бы не искал утешения в слове «часто».

Спасибо. Очень поддержал.

Я прижала правую руку к груди, прикрывая запястье ладонью. Серебряная линия под кожей не гасла. Она пульсировала слабо, почти незаметно, но я чувствовала её как тонкую натянутую струну. И чем дольше смотрела в арку, тем отчётливее казалось, что эта струна тянется не туда, не вниз.

А назад.

К центральным дверям академии.

К ректору.

Я резко опустила руку.

— Что с ней? — спросил Вэрт.

— С кем?

— Не строй из себя дурочку, Линн. С меткой.

Слово прозвучало слишком громко.

Я оглянулась на плац.

Большинство кандидатов уже увели, но не все. Несколько человек задержались у дальних ступеней, делая вид, что поправляют воротники, застёжки или ремни. Тайрен Орс среди них не скрывался вовсе. Он стоял боком к нам и смотрел так внимательно, что его обычная насмешливая ленца казалась плохо надетой маской.

А у колоннады, чуть дальше, замерла Мирена Вайс.

Одна.

Белая коса на плече. Идеальная осанка. Лицо спокойное, как гладкий лёд.

Только пальцы слишком крепко сжимали край перчатки.

Она не ушла.

Конечно, не ушла.

Я бы на её месте тоже не ушла, если бы утром у какой-то прачки на руке появился знак, связанный с мужчиной, которого, возможно, давно считали частью чужих брачных переговоров.

Слово «брачных» отозвалось неприятно.

Надо будет потом обязательно выяснить, что именно значит эта метка. Желательно не на плацу. И не от Тайрена, который любое объяснение превращает в приговор с улыбкой.

— Линн, — напомнил Вэрт.

— Она светится, когда... — Я запнулась.

Когда рядом ректор? Когда я в опасности? Когда кто-то говорит, что я должна была не проснуться? Когда мой организм окончательно перестаёт понимать, что происходит?

— Когда что? — спросил он.

Я выбрала самый безопасный ответ:

— Когда что-то происходит.

Командор посмотрел на меня долгим взглядом человека, который мысленно пересчитывает все наказания устава и выбирает подходящее.

— Великолепная точность.

— Я правда не знаю.

— Это я уже слышал.

— Тогда зачем снова спрашиваете?

— Чтобы понять, где ты не знаешь, а где врешь.

Я вздрогнула.

Не сильно. Но он заметил.

Конечно, заметил.

Вэрт уже открыл рот, чтобы продолжить, но в этот момент воздух у арки изменился. Не похолодал и не потеплел. Просто стал плотнее. Точно так же, как на плацу, когда появился ректор.

Я обернулась раньше, чем услышала шаги.

Каэл Ровенгар шёл к нам от центральных дверей.

Быстро.

Не бегом. Такие, как он, наверное, не бегают даже тогда, когда рушатся башни. Но от каждого его шага по камню расходилось ощущение приказа. Наставники у бокового прохода мгновенно выпрямились. Дальний шёпот стих. Даже Тайрен, кажется, перестал изображать праздное любопытство.

Ровенгар остановился перед нами.

Его взгляд сразу упал на мою руку.

— Что произошло?

Не «почему вы всё ещё здесь». Не «почему кандидатка нарушает приказ». Не «почему командор не увёл её». Он спросил так, будто уже знал: произошло что-то.

Метка у меня на запястье вспыхнула ярче.

Под его манжетой ответил такой же свет.

Я увидела это. Вэрт увидел. И, хуже всего, Мирена тоже.

Каэл резко опустил рукав.

— Руку, — сказал он мне.

Я хотела спросить зачем. Хотела сказать, что несколько минут назад он сам запретил кому-либо прикасаться к знаку. Хотела возмутиться чисто из принципа.

Но его глаза были слишком тёмными.

Я протянула руку.

Он не взял её сразу. Сначала посмотрел на Вэрта.

— Кто видел?

— Достаточно, чтобы к обеду это знала вся академия, — мрачно ответил командор. — И недостаточно, чтобы кто-то решился сказать первым.

— Я спрашиваю о последнем отклике.

— Я. Двое наставников. Линн. Возможно, часть кандидатов у колоннады.

Взгляд ректора скользнул туда.

Кандидаты внезапно вспомнили, что у них есть неотложные дела. Тайрен поклонился с таким видом, будто уходить собирался с самого начала. Мирена не двинулась.

Её смелость была почти раздражающей.

И почти восхищала.

— Леди Вайс, — сказал Каэл.

Она склонила голову.

— Ректор.

— Ваше присутствие на плацу больше не требуется.

— Я ожидала распоряжений по второму испытанию.

— Они будут объявлены всем кандидатам одновременно.

— Разумеется.

Она сделала паузу. Маленькую. Почти вежливую.

— Надеюсь, академия не станет скрывать от родов обстоятельства, которые касаются безопасности отбора.

— Академия не отчитывается перед родами на плацу.

— Но роды имеют право знать, если отбор был нарушен.

— Отбор не был нарушен.

Мирена перевела взгляд на моё запястье.

— Тогда, вероятно, нарушено что-то более древнее.

Вэрт едва заметно напрягся.

Ровенгар шагнул к ней на полшага. Всего на полшага. Но воздух между ними стал таким, что мне захотелось отступить, хотя говорили не со мной.

— Осторожнее, леди Вайс.

Она побледнела, но голову не опустила.

— Я осторожна, ректор. Именно поэтому говорю сейчас, пока шёпот не стал громче приказов.

В её словах был яд.

Но ещё там была правда.

Я ненавидела, когда неприятные люди говорят правду. С ними сложнее спорить.

Ровенгар молчал несколько мгновений.

— Командор Вэрт проводит вас к кандидатам.

— Я могу пойти сама.

— Это не просьба.

Вот теперь Мирена опустила голову ниже.

— Как прикажете.

Вэрт бросил на меня короткий взгляд, будто хотел сказать «не двигайся», хотя я и так стояла как приколоченная. Затем шагнул к Мирене.

Они ушли вместе.

Я осталась с ректором у арки, из которой недавно донёсся голос, обсуждавший моё несостоявшееся пробуждение. Вокруг всё ещё были наставники, стража у проходов, далёкие кадеты, но почему-то показалось, что пространство резко сузилось до нас двоих.

И этой проклятой серебряной линии.

— Что вы слышали? — спросил Каэл.

Я повторила:

— Женский голос. «Она должна была не пройти круг. Она должна была не проснуться».

Лицо у него не изменилось.

Совсем.

И именно поэтому я поняла: изменилось внутри.

— Дословно?

— Да.

— Вы узнали голос?

Я помедлила.

— Похож на Неллу. Девушку из прачечной. Но я не уверена.

— Почему не уверены?

— Потому что она ушла раньше. И потому что голос прозвучал... дальше. Как из глубины прохода.

— Она сказала вам перед этим, что вы не были прежней с самого утра.

Я резко подняла глаза.

— Вы слышали?

— Метка ответила.

— То есть теперь вы ещё и слышите через неё?

Мне стало не по себе. Очень. Угроза из коридора была страшной, но чужой. А вот мысль о том, что моя рука может связывать меня с ректором так, что он почувствует то, чего я не собиралась показывать, оказалась почти невыносимой.

Каэл посмотрел на меня.

— Не слышу. Но чувствую резкий отклик.

— Чувствуете?

— Да.

— И что именно?

— Сейчас? Паника. Злость. Усталость. И попытка спрятать страх за дерзостью.

Я вспыхнула.

— Вы только что сказали, что не слышите.

— Для этого не нужно слышать.

Он сказал это так ровно, что я не сразу поняла, смеётся он надо мной или нет. Скорее нет. У таких, как Каэл Ровенгар, насмешки тоже, наверное, ходят строем и получают разрешение перед выходом.

— Прекрасно, — пробормотала я. — Значит, я ещё и прозрачная.

— Нет. Вы хаотичная.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Я поняла.

— Не уверен.

Я сжала пальцы.

Метка тут же потеплела, словно ей нравилось любое напряжение между нами. Я зло посмотрела на неё, будто могла пристыдить собственное запястье.

— Что это вообще такое? — спросила я. — Мирена сказала про брачные кубки. Тайрен — про связь, за которую одни убивают, другие женятся, а третьи созывают Совет. Вы говорите только половинами фраз. Все смотрят так, будто я украла корону и спрятала её в рукаве. Может, кто-нибудь уже объяснит мне прямо?

Каэл медленно перевёл взгляд с моей руки на лицо.

— Прямые объяснения опасны, когда неизвестно, кто слушает.

— Здесь никого нет.

— Здесь академия. В ней всегда кто-то слушает.

После голоса из коридора возразить было сложно.

Он подошёл ближе.

Не вплотную. Достаточно, чтобы я снова ощутила ту странную плотность воздуха рядом с ним. Достаточно, чтобы серебряная линия на запястье ожила и потянулась к его скрытой под манжетой метке.

Я машинально отступила.

Каэл заметил.

Конечно, заметил.

— Вы боитесь меня?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Я посмотрела на него и решила ответить честно настолько, насколько могла себе позволить.

— Я боюсь того, что рядом с вами моя рука начинает жить своей жизнью.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ, который у меня есть.

— А худший?

— Да. Боюсь.

Сказать это оказалось легче, чем я думала.

Может быть, потому что он и так знал. Может быть, потому что после прачечной, круга, Мирены и голоса из тьмы сил на красивую ложь просто не осталось.

Каэл молчал.

Потом сказал:

— Хорошо.

Я не поняла.

— Что хорошего?

— Страх делает людей внимательнее. А вам сегодня понадобится внимательность.

Звучало как начало приговора.

— Куда мы идём?

— В мой кабинет.

— Зачем?

— Вы дадите показания.

— Это допрос?

— Да.

Вот за прямоту спасибо.

Хотя радости она не прибавила.

— Я могу отказаться?

— Нет.

— Тогда это не вопрос.

— Верно.

Он развернулся, ожидая, что я пойду следом.

Я посмотрела на арку. На лестницу вниз. На пустую темноту, где только что растворилась Нелла или кто-то, кто умел говорить её голосом. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие: если я сейчас уйду наверх, всё, что осталось внизу, успеют спрятать, стереть, передвинуть. В этом мире, похоже, тайны жили не в пыльных сундуках, а среди людей, которые носили серые передники и знали, кто должен проснуться, а кто нет.

— Ректор.

Каэл остановился.

— Я хочу спуститься в прачечную.

— Нет.

— Но там—

— Именно поэтому нет.

— Вы сами слышали! Там кто-то знает, что со мной произошло.

Он повернулся.

— А вы знаете, что с вами произошло?

Я замолчала.

— Пока нет, — продолжил он, — вы будете держаться подальше от тех, кто, возможно, знает больше вас и уже решил, что вы проснулись зря.

— Я не беспомощная.

— Сегодня вы едва держались на ногах после первого круга.

— Но держалась.

— Упрямство — не защита.

— Иногда единственная.

Он посмотрел на меня долго. Слишком долго.

И вдруг сказал тише:

— Не сегодня.

От этих двух слов внутри что-то дрогнуло.

Не потому, что в них была нежность. Её не было. Каэл Ровенгар вообще не производил впечатления человека, у которого нежность лежит близко к поверхности. Но в этих словах было нечто другое. Жёсткое признание: он считает опасность настоящей. И не собирается позволить мне лезть в неё одной.

Романтично? Едва ли.

Тревожно? Очень.

Но я пошла за ним.

Мы пересекли плац и вошли в центральное крыло академии через высокие двери, которые изнутри оказались ещё тяжелее, чем снаружи. Холл встретил нас высотой, холодным светом и множеством глаз.

Академия внутри была не похожа ни на замок из сказок, ни на учебное заведение из моей прошлой жизни. Скорее на крепость, которая согласилась пустить в себя книги, карты и людей, но так и не перестала готовиться к осаде. Стены из серого камня поднимались на несколько этажей. Галереи пересекались над головой. В нишах стояли тёмные щиты с вырезанными крыльями. На полу серебром были выложены линии, похожие на те, что вспыхивали в круге.

По галереям шли кадеты.

Они останавливались.

Поворачивались.

Шёпот скользил за нами, как вода под тонким льдом.

— Это она...

— Та самая прачка?

— Говорят, круг ответил на все четыре крыла.

— Невозможно.

— Я видел знак.

— У ректора тоже...

Последнюю фразу кто-то оборвал слишком поздно.

Каэл не повернул головы.

Но воздух вокруг него стал таким холодным, что шёпот умер сам.

Я шла на полшага позади и старалась не ковылять. Получалось плохо. Серое платье после плаца казалось ещё более чужим. Пластина кандидата на ворота цеплялась за ткань. Башмаки стучали по камню неуверенно и слишком громко. Рядом с ректором, в его чёрном мундире и безупречной собранности, я выглядела не просто неуместной.

Я выглядела доказательством чьей-то плохой шутки.

И все это видели.

— Вы можете идти быстрее? — спросил Каэл, не оборачиваясь.

— Могу упасть быстрее, если это поможет.

Он всё-таки остановился.

Я чуть не врезалась ему в спину.

Кадеты на ближайшей лестнице мгновенно нашли в потолке что-то необычайно интересное.

Каэл посмотрел на мои башмаки. Потом на серое платье, мокрый край подола, сбившуюся ленту в волосах и пластину на воротах.

Мне стало неприятно.

Не стыдно за бедность. Не за чужую одежду. А за то, что он видит слишком много. Опять.

— Почему вам не выдали временную форму? — спросил он.

— Потому что между «оставить прачку в отборе» и «допросить прачку» прошло не так много времени.

— Вы всегда отвечаете так?

— Как?

— Будто ожидаете удара и хотите нанести свой первой.

Я замерла.

Мимо по галерее прошла группа старших кадетов. Все сделали вид, что ничего не слышат. Не очень убедительно.

— Вы сами сказали, что это допрос, — ответила я тише. — На допросах обычно не гладят по голове.

Он не сразу ответил.

— Я не собирался вас ударить.

— А я не собиралась падать в круге. Сегодня у всех странный день.

В его глазах мелькнуло что-то опять почти неуловимое. Не раздражение. Не веселье. Возможно, усталость. Но такая глубоко спрятанная, что я не имела права её замечать.

— Идите рядом, — сказал он.

— Что?

— Так вы будете меньше хромать.

— Я не хромаю.

— Вы спорите даже с каменным полом?

— Если он первый начал.

Один из кадетов на лестнице кашлянул и тут же вытянулся, когда ректор бросил в его сторону взгляд.

Я шагнула рядом с Каэлом.

И тут же пожалела.

Потому что метка откликнулась сильнее.

Она не просто потеплела. Она будто расправилась под кожей, тонкая линия потянулась дальше, к локтю, и на мгновение я почувствовала не своё дыхание. Нет, не дыхание — ритм. Чужой, ровный, тяжёлый, как шаг огромного крылатого существа.

Я резко остановилась.

Каэл остановился тоже.

— Что?

— Она...

Договорить я не успела.

Он взял меня за правое запястье.

На этот раз прикосновение было прямым.

Его пальцы сомкнулись вокруг моей руки, и мир словно сдвинулся на полшага. Холл, галереи, кадеты, холодный камень — всё осталось, но стало дальним. А рядом оказался только он: его рука, его взгляд, серебро под его кожей, которое вспыхнуло в ответ моему.

Метка на моей руке ожила полностью.

Линия вытянулась, изогнулась, сложилась в тонкий узор: крыло, незамкнутый круг и острый знак, похожий на маленький клинок. У Каэла под манжетой вспыхнул такой же рисунок.

Не похожий.

Такой же.

Он резко шагнул ближе, закрывая мою руку от чужих глаз своим плечом.

Поздно.

Шёпот взорвался сразу на двух галереях.

— Ректор...

— Это связь.

— Не может быть.

— С ней?

Каэл поднял голову.

Не сказал ни слова.

Просто посмотрел.

И весь холл разом вспомнил, что у стен есть глаза, у ушей — хозяева, а у ректора — власть.

Кадеты исчезли быстрее, чем я ожидала. Двери закрывались, шаги удалялись, шёпот обрывался на половине звука. Через несколько мгновений в холле остались только мы и двое наставников у дальнего входа, которые смотрели прямо перед собой с выражением людей, желающих стать частью стены.

Каэл отпустил мою руку.

Медленно.

— С этого момента вы закрываете знак.

Я прижала запястье к груди.

— Чем? У меня при себе, как видите, нет коллекции перчаток.

Он снял с внутренней застёжки мундира узкую чёрную ленту. Не декоративную — простую, плотную, с серебряной нитью по краю. Протянул мне.

Я не взяла сразу.

— Это приказ?

— Да.

— А если я не умею завязывать такие ленты по-вашему правильно?

— Тогда научитесь.

— Вы всегда так помогаете?

— Я редко помогаю тем, кто превращает помощь в спор.

— Может, вы редко помогаете так, чтобы человек понял, что это помощь.

Вот это уже было лишним.

Я поняла сразу после того, как сказала.

Каэл тоже.

Он посмотрел на меня так, что я почти услышала, как где-то вдалеке захлопнулась невидимая дверь.

— В моём кабинете, Эйра Линн, вы будете отвечать точнее.

— А вы будете спрашивать понятнее?

Пауза.

Один из наставников у входа, кажется, перестал моргать.

Ректор наклонился чуть ближе. Не угрожающе. Но достаточно, чтобы я ощутила, как от него пахнет холодным ветром и грозой после камня. Не резко. Не сладко. Просто так, будто он недавно стоял там, куда обычные люди поднимают глаза и боятся смотреть долго.

— Вы сейчас находитесь между прачечной, которая хочет вернуть вас вниз, родами, которые захотят убрать вас из академии, и знаком, который не должен был появиться ни у вас, ни у меня. Я могу выдержать вашу дерзость. Вопрос в том, выдержите ли вы последствия.

Слова ударили точно.

Не оскорбили.

Отрезвили.

Я опустила взгляд на ленту.

Потом взяла её.

— Покажите, как.

Он замер.

Я тоже.

Просить оказалось сложнее, чем язвить. Гораздо сложнее.

Каэл ничего не сказал. Только взял ленту обратно, осторожно обернул вокруг моего запястья поверх метки и завязал крепким плоским узлом. Его пальцы касались меня коротко, почти безлично, но каждый раз серебряная нить под кожей отвечала так, будто узнавала его раньше меня.

Я смотрела не на него.

На узел.

На свои тонкие пальцы.

На чёрную ленту, которая выглядела на руке чужой, но почему-то не унижительной. Не как повязка, скрывающая позор. Скорее как временная броня.

— Не снимайте, — сказал он.

— Даже если кто-то спросит?

— Особенно если кто-то спросит.

— Мирена спросит.

— Леди Вайс умеет задавать вопросы, на которые не стоит отвечать.

— А вы?

Он поднял глаза.

— Я умею получать ответы.

Вот теперь допрос стал совсем не образным.

Мы поднялись по боковой лестнице и прошли в северную башню. Чем выше, тем тише становилось. Здесь уже не было кадетского гомона, чужих взглядов и стука десятков шагов. Только узкие окна, серый свет, гербы с крыльями и длинный коридор, в конце которого стояла тёмная дверь.

На ней не было таблички.

И не требовалось.

Дверь сама выглядела так, что в неё без разрешения могли войти только очень храбрые или очень глупые.

Я не относилась к тем, ни к тем, ни к другим.

Хотя сегодняшнее утро могло бы поспорить.

Каэл открыл дверь.

— Войдите.

Кабинет ректора оказался не роскошным, а просторным и строгим. Большой стол из тёмного дерева. Высокие окна, за которыми виднелись башни и кусок северного неба. Карта академии на стене. Несколько закрытых шкафов. Стойка с тренировочными клинками. На каменной полке — фигурка дракона, вырезанная из чёрного дерева, почти без деталей, но с такой точной линией крыльев, что казалось, она вот-вот оживёт.

Я вошла и сразу почувствовала: здесь всё принадлежит ему.

Не потому, что было дорогим.

Потому что ничто не было случайным.

Каэл закрыл дверь.

Щелчок замка прозвучал слишком громко.

Я обернулась.

— Это обязательно?

— Да.

— Почему?

— Чтобы никто не вошёл без разрешения.

— А выйти?

— Вы выйдете, когда допрос закончится.

— Звучит обнадёживающе.

— Сядьте.

Перед столом стоял стул. Один. Конечно.
Я села.

Спина тут же напомнила, что держаться прямо весь день — занятие для тех, кому заранее объяснили, как именно это делать. Но я выпрямилась. Не потому, что хотела казаться благородной. Просто не собиралась разваливаться перед ректором, который и так видел во мне слишком много слабых мест.

Каэл остался стоять.
Это было нечестно.
— Полное имя, — сказал он.
Я моргнула.
— Эйра Линн.
— Возраст.
Вот тут я зависла.
Возраст Эйры.
Сколько ей?

В памяти всплыло не число, а чужая интонация: «Семнадцать прошли, восемнадцатый идёт, а ума как у мокрой тряпки». Нет. Подождите. Это говорила Мара? Или Селви? Или кто-то ещё? Восемнадцать? Девятнадцать? В этом мире вообще как считают годы?

Ректор смотрел.
Я почувствовала, как щеки начинают гореть.
— Восемнадцать, — сказала я.
— Точно?

Проклятье.
— Насколько мне известно.
— Вам неизвестен собственный возраст?
— После утра на каменном полу некоторые знания становятся менее уверенными.
— Удар головой удобен тем, что им можно объяснить почти всё.

Я напряглась.
— Вы считаете, я притворяюсь?
— Я считаю, что девушка, которая утром не могла вспомнить обстоятельства падения в прачечной, через час прошла круг воли, пробудила запрещённый отклик и не узнала знак связи, либо очень удачно потеряла память, либо очень неудачно играет чужую роль.

Холод прошёл вдоль спины.

Чужую роль.

Слишком близко.

Я заставила себя усмехнуться.

— Если это игра, то костюм мне выдали отвратительный.

— Не уходите от вопроса.

— Вы ещё не задали вопрос.

Он обошёл стол, сел напротив и положил перед собой чистый лист плотной бумаги.

— Кто внёс ваше имя в список кандидатов?

— Не знаю.

— Кто знал, что вы собираетесь выйти в круг?

— Никто. Я сама не знала.

— Кто приказал вам не проснуться?

— Это был не приказ мне.

— Не играйте словами.

— А вы не делайте вид, что я понимаю больше, чем понимаю.

В его глазах мелькнуло раздражение.

Наконец-то что-то человеческое.

— Эйра Линн, вы были служащей нижней прачечной с двенадцати лет.

Я замерла.

Двенадцати.

Значит, шесть лет внизу. Шесть лет корыт, пара, тяжёлых корзин, чужих приказов и имени, которое произносили, не глядя в лицо.

— У вас нет зарегистрированного рода, — продолжил Каэл. — Нет покровителя. Нет допуска к учебным залам, кругам отбора и внутренним спискам. Однако ваше имя оказалось в утверждённом свитке. Печать академии не была нарушена. Значит, список изменил тот, кто имел доступ к канцелярии отбора или к ректорской печати.

— Вы думаете, это я?

— Я думаю, вы связаны с тем, кто это сделал.

— Я сегодня утром не знала, где нахожусь.

Он сразу зацепился.

— Почему?

Вот она.

Трещина.

Я слишком быстро сказала правду.

Не всю, но достаточно.

— Потому что очнулась на полу, — ответила я. — Вы сами только что напомнили.

— Очнулась — и не знали, где находитесь?

— Первые минуты всё плыло.

— Что именно?

— Лица. Звуки. Имена.

— Вы не узнали Мару?

— Не сразу.

— Неллу?

— Тоже.

— Но имя Академии военных драконов вспомнили.

— Мне сказали.

— Кто?

Я открыла рот.

Закрыла.

Вспоминать было тяжело не потому, что память отсутствовала. А потому, что она была рваной, чужой, похожей на ткань, которую много раз стирали, тянули, выкручивали и сушили на сквозняке.

— Я увидела знак на форме, — сказала я осторожно. — И... вспомнила.

— Удобно.

— Вы уже говорили.

— Потому что вы снова даёте удобный ответ.

— А какой был бы неудобный?

— Тот, который объяснит, почему прежняя Эйра Линн боялась поднять глаза, а сегодняшняя спорит с лордом Арвейном, командором Вэртом и мной в течение одного утра.

Я сцепила пальцы на коленях.

Лента на запястье натянулась.

Метка под ней вспыхнула.

Каэл посмотрел на неё.

— Ответьте.

— Может быть, прежней Эйре надоело бояться.

— За один день?

— Иногда одного падения достаточно.

Он замолчал.

И я поняла, что опять сказала слишком близко к правде.

Одного падения действительно оказалось достаточно. Только не Эйре. Мне. Арине. Той, что летела вниз в своей прежней жизни и даже не успела как следует испугаться.

— Ваша речь изменилась, — сказал Каэл.

— Что?

— По докладам нижней службы, Эйра Линн была тихой, неуверенной, говорила коротко и редко спорила. Сегодня вы строите фразы иначе, задаёте встречные вопросы, используете обороты, которых не должно быть в речи прачки без обучения.

Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

Не из-за того, что он умный. Это я уже поняла.

Из-за того, что он смотрел не на магию. Не только на знак. Он видел мелочи. Слова. Паузы. То, что другие списали на удар, испуг или внезапную наглость.

— Вы изучали мою речь? — спросила я, пытаюсь выиграть секунду.

— Я изучаю всё, что угрожает академии.

— Я угрожаю академии?

— Возможно.

Слово прозвучало без обвинения.

Но легче не стало.

— Я не просила вносить моё имя в список. Не просила ваш круг вспыхивать. Не просила вашу метку отвечать на мою руку.

— Мою?

Тихо.

Очень тихо.

Я поняла ошибку поздно.

Слишком поздно.

— Что?

— Вы сказали: «вашу метку».

— Потому что она на вашей руке.

— Вы уверены?

Я растерялась.

— Я видела.

— Вы видели отклик. Это не одно и то же.

— Тогда объясните.

— Нет.

Злость вспыхнула так резко, что я почти обрадовалась ей. Страх любит молчание. Злость хотя бы двигает кровь.

— Вы задаёте вопросы, требуете точности, цепляетесь к каждому слову, но сами не отвечаете ни на один. Удобно, ректор.

Он подался вперёд.

— Хорошо. Один ответ. В драконьих родах есть знак, который появляется только между двумя людьми, если древняя сила признаёт их связью равного пламени.

Я не знала, что такое равное пламя.

Но по тому, как он произнёс, поняла: это не просто красивые слова.

— Это и есть... истинная пара?

Слова дались с трудом.

Каэл не отвёл взгляд.

— Так это называют вне устава.
Внутри стало пусто.
На секунду.
Потом слишком громко застучали мысли.
Истинная пара. Ректор-дракон. Безродная прачка. Мирена. Совет родов. Брачные кубки.
Тайрен со своим «одни убивают, другие женятся». Мара. Нелла. Голос из коридора.
Я рассмеялась бы, если бы не было так страшно.
— Вы ошибаетесь, — сказала я.
— Возможно.
— Нет. Точно. Я не могу быть вашей... кем бы там ни было.
— Почему?
Потому что я не Эйра.
Потому что я из другого мира.
Потому что ещё утром я не знала, что вы существуете.
Потому что если древняя сила выбирала кого-то, она выбирала не меня, а тело девушки, которая, возможно, уже умерла.
Потому что это несправедливо к ней.
Потому что это слишком опасно для меня.
— Потому что я прачка, — сказала я вместо всего этого.
Каэл смотрел на меня молча.
— Это довод родов, — произнёс он наконец. — Не ваш.
Я резко вдохнула.
Не потому, что он был груб.
Потому что попал.
Я повторила чужой приговор так легко, будто он был моим собственным.
Прачка.
Безродная.
Никто.
За одно утро можно поднять голову, пройти круг, спорить с Миреной и даже ректором.
Но самые старые цепи всё равно остаются внутри. И иногда говоришь их голосом, даже когда ненавидишь.
Я отвела взгляд первой.
— Тогда потому, что я не знаю вас.
— Это разумнее.
— И вы не знаете меня.
— Верно.
— И явно мне не доверяете.
— Верно.
— И подозреваете в заговоре.
— Да.
— Прекрасное начало для равного пламени.
На этот раз в его глазах что-то дрогнуло.
Может быть, тень усмешки.
Может быть, мне очень хотелось это увидеть, чтобы кабинет перестал казаться комнатой, где меня сейчас разберут на части вопросами.
— Поэтому, — сказал он, снова становясь холодным, — мы не будем называть это так.
— А как будем?
— Ошибкой.
Слово ударило неожиданно сильно.

Глупо. Он не обязан был подбирать выражения. Я сама только что доказывала, что никакой связи быть не может. Но одно дело — отрицать опасную магию из страха. Другое — услышать, как тебя называют ошибкой мужчины, к которому эта магия тянет твою руку.

Я подняла подбородок.

— Удобно.

— Это слово вам нравится.

— Сегодня оно в моде.

— Вы не ошибка как человек, Эйра Линн. Но знак мог быть вызван ошибочно.

Вот это уже звучало иначе.

Не мягко. Просто точнее.

И почему-то стало легче дышать.

— Как?

— Через вмешательство в круг. Через подмену списка. Через попытку привязать меня к кандидату без рода и тем самым ослабить академию перед Советом.

Я медленно осознала.

— Вы думаете, меня использовали?

— Да.

— Как приманку?

— Как ключ. Или как нож.

Я посмотрела на чёрную ленту на руке.

Ключ.

Нож.

Прачка, которая утром лежала на полу, а к полудню стала оружием в чужой игре.

— Но зачем кому-то связывать вас со мной? — спросила я. — Разве это не ударит по мне сильнее?

— Ударит по нам обоим.

Он сказал это ровно.

Но слово «нам» задержалось между нами дольше, чем должно было.

Я заметила.

Он тоже.

— Роды не примут подобный знак, — продолжил Каэл. — Совет потребует проверки. Мирена Вайс сообщит своему дому раньше, чем закончится день. Если слухи расползутся, вас попытаются либо объявить самозванкой, либо убрать из отбора, либо использовать как доказательство моей неспособности контролировать собственную академию.

— А если это настоящая метка?

Пауза.

Я не планировала спрашивать.

Вопрос вышел сам, тихий и почему-то очень важный.

Каэл посмотрел на моё закрытое лентой запястье.

— Тогда всё станет сложнее.

— Для вас?

— Для вас — в первую очередь.

— Почему?

— Потому что у драконов древней крови истинная связь не бывает с теми, кто не способен выдержать ответ.

— Ответ чего?

— Дракона.

Я хотела спросить ещё. Очень хотела. Но в памяти всплыл силуэт над башнями: огромные крылья, тёмная чешуя, ветер, который рассёк небо.

И вдруг я представила, что за спокойным лицом Каэла Ровенгара есть не только ректор, не только генерал, не только мужчина в чёрном мундире.

А что-то огромное.

Древнее.

То, что круг называл волей крыла.

Метка под лентой мягко дрогнула.

Каэл резко встал.

— Достаточно.

— Но—

— Достаточно, Эйра.

Он впервые назвал меня без фамилии.

И от этого моё имя вдруг прозвучало не как строка на переднике, не как пункт в списке кандидатов, а почти слишком близко.

Я замолчала.

Он подошёл к окну, сцепив руки за спиной. Несколько мгновений смотрел на башни академии. Снаружи ветер гнал по небу низкие серые облака. Где-то далеко мелькнула тень дракона.

— С этого момента, — сказал он, не оборачиваясь, — вы никому не показываете знак. Никому не позволяете прикасаться к нему. Ни с кем не обсуждаете связь, круг, мой отклик и голос в нижнем проходе. Если вас спросят, вы скажете, что получили временный знак допуска после испытания.

— Мне поверят?

— Нет.

— Замечательный план.

— Ваше дело — не убедить. Ваше дело — не дать им подтвердить слух.

— А если спросят прямо?

— Молчите.

Я усмехнулась.

— У меня не всегда хорошо получается.

— Я заметил.

— А если Мирена?

— Особенно с ней.

— А если Нелла?

Он повернулся.

— К Нелле вы не подходите.

— Но она знает что-то о том, что случилось утром!

— Именно поэтому.

— Вы собираетесь её допросить?

— Да.

— Я хочу присутствовать.

— Нет.

— Конечно. Снова нет.

— Вы не следователь, не наставник и не полноправная кадетка. Вы кандидатка с испытательным допуском, возможная цель заговора и человек, который не понимает, почему собственная метка вспыхивает в коридорах.

— Чудесное описание. Можно вышить на форме.

— Ваше остроумие не изменит приказ.

— А ваше упрямство не сделает меня спокойнее.

— Я не отвечаю за ваше спокойствие.

Это было сказано слишком резко.

И он сам это понял.

Не извинился. Но тишина после фразы стала другой.

Я поднялась со стула.

— Тогда за что вы отвечаете, ректор?

— За академию.

— А я теперь её часть?

Он не ответил сразу.

За окном ветер ударил в стекло. Внизу, наверное, всё ещё обсуждали прачку, круг, метку и то, сколько времени пройдёт до первого настоящего скандала. В нижнем крыле кто-то, возможно, уже прятал следы. Мирена, скорее всего, писала письмо или думала, кому сказать первым. Тайрен пересказывал увиденное так, чтобы половина истории звучала как шутка, а другая половина — как предупреждение.

А я стояла в кабинете ректора и ждала ответа на вопрос, который почему-то оказался важнее остальных.

Каэл посмотрел на пластину кандидата у меня на воротах.

— Да.

Одно слово.

Спокойное.

Никаких обещаний. Никакой нежности. Никакого «я вас защищу». Но после этого слова стены кабинета перестали давить так сильно.

Я опустилась обратно на стул, потому что ноги всё-таки устали.

— Тогда, может быть, иногда придётся отвечать и за моё спокойствие. Хотя бы в пределах академии.

Он смотрел на меня так, будто я снова сказала что-то невозможное.

— Вы быстро привыкаете требовать.

— Я шесть лет не требовала. Наверное, накопилось.

Враньё.

Я не прожила здесь шесть лет.

Но тело Эйры — да. И в эту секунду я почувствовала, что говорю не только за себя.

Каэл медленно подошёл к столу. Взял чистый лист, провёл по нему пальцем, и на бумаге проступили строки. Не чернилами — серебряным светом. Я постаралась не показать, насколько это меня поразило.

— Что вы делаете?

— Распоряжение.

— О чём?

— О переводе вас во временную комнату нижней казармы под охраной академии.

— Под охраной или под надзором?

— Да.

— Это два разных слова.

— В вашем случае — одно и то же.

Я вздохнула.

Он поставил на лист печать. Не сургучом, не чернилами. Просто коснулся перстнем, и на бумаге вспыхнул знак крыла с клинком.

— Командор Вэрт проводит вас после того, как закончит с нижней службой.

— А до этого?

— До этого вы останетесь здесь.

Я огляделась.

— В кабинете?

— Здесь безопаснее.

Безопаснее.

Не уютнее. Не приятнее. Не свободнее.

Но после голоса в коридоре слово всё равно прозвучало почти заманчиво.

— Вы ведь понимаете, — сказала я, — что если меня увидят выходящей из вашего кабинета, слухов станет вдвое больше.

— Слухи уже есть.

— Спасибо, стало легче.

— Слухи без подтверждения живут меньше.

— Вы плохо знаете людей.

Он поднял бровь.

— А вы хорошо?

Я едва не сказала: «В своём мире — достаточно». Сдержалась.

— Я хорошо знаю прачечные, — ответила вместо этого. — Там слухи стираются хуже пятен.

Каэл несколько мгновений смотрел на меня так внимательно, что я поняла: он снова поймал странность. Возможно, слово. Возможно, интонацию. Возможно, то, как я уверенно говорю о людях, хотя прачка Эйра, по его сведениям, редко поднимала голову.

— Что? — не выдержала я.

— Вы забываетесь.

Внутри всё сжалось.

— В чём?

— Иногда говорите так, будто старше своего возраста.

— Может, прачечная быстро старит.

Он не отвёл взгляда.

— Возможно.

Мне не понравилось это «возможно». В нём было слишком много отложенных вопросов.

За дверью раздался короткий стук.

Каэл мгновенно изменился. Всё личное, что едва намечалось в разговоре, исчезло. Передо мной снова сидел ректор академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.